

Ольга Ахметова

МЕ
The letters 'ME' are filled with a dark, starry space background. A woman's face is visible in profile, looking upwards, with her hair and a glowing golden energy field flowing around her.

ДИ
The letters 'DI' are filled with a dark, starry space background. They are overlaid with flowing, golden, ethereal energy or light patterns.

УМ
The letters 'UM' are filled with a dark, starry space background. They are overlaid with flowing, golden, ethereal energy or light patterns.

ЭМПАТ

Ольга Ахметова

Медиум. Эмпат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39287819

ISBN 9785449371539

Аннотация

Вторая книга из мира Окутных земель, где среди бездарных людей до сих пор рождаются одаренные. Ивири – эмпат в котловане чужих эмоций. Сознание зверя, птицы и человека открыты для Ивири, как открыта и чужая боль. А ведь чем опаснее люди, тем больше в них боли. Заперта в замке, варроканцы возненавидели самозванку. Единственным другом ей станет раненый маг и девушка окажется перед выбором: править страной или выбрать любовь и свободу. Тем временем пророчества сбываются, и Мертвая земля растет...

Содержание

МЕДИУМ. ЭМПАТ	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	45
Глава 5	65
Глава 6	78
Глава 7	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Медиум. Эмпат

Ольга Ахметова

Редактор Анна Науменко

© Ольга Ахметова, 2018

ISBN 978-5-4493-7153-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Заряне – самой яркой звездочке моей жизни.

Я благодарю Анну Науменко – редактора и подругу — за круглосуточную поддержку, тактичные пинки, кропотливый труд, великолепные идеи, веру в меня и любовь к этой волшебной истории.

Я благодарю вас, дорогие читатели, за невероятное количество восторженных отзывов после первой части, за ваше нетерпение и ожидание финала.

МЕДИУМ. ЭМПАТ

Сострадание – на этом держится мир.

Мелкими хлопьями летел снег, ложился неровным слоем на промерзшую Дегу, покрывая белым цветом черные непроглядные воды. Всё проходит. Горечь разлуки, боль потери. Всё проходит, лишь бы летел снег, лишь бы мело время.

Но есть места, где время остановилось, и прошлое не прощено, не забыто. И варятся души в котле вечной ненависти, а снег плавится в раскаленном, жаждущем мести разуме. И течет водой – слезами о несчастных.

Пролог

Дерк резко сел посреди влажных от пота простыней. Гулко и неровно билось сердце, частое дыхание разрывало грудь. Блики огня от горящих дров в камине освещали небольшую комнату, в которой он прожил уже несколько месяцев. Дерк сорвал с себя одеяло, неуклюже захромал к окну, морщась от боли, раскрыл ставни. Седая ночь дохнула морозным холодом, осушив мокрые виски. Он закрыл глаза, наслаждаясь, успокаиваясь. Но темнота опущенных век, словно путеводная нить, вернула ему воспоминание увиденного кошмара.

Ему снилось поле, над которым кружили жадные грифы. Падальщики пировали белыми трупами, срывая холодное мясо с костей. Дерк оступился, споткнувшись о чье-то тело, упал. Во мраке совсем рядом проступили очертания женского лица. Он с ужасом заглянул в пустые глазницы Мирим и отшатнулся, рванулся бежать, но его держали цепкие пальцы ледяной хваткой. В разодранных до скелетов лицах он узнал теперь и Лану, и свою мать Лорку. Его беззвучный крик утонул в мертвом, недвижимом воздухе.

Дерк открыл глаза, повел плечами, пытаясь отогнать сон, сделал еще один глубокий вдох. Зимний воздух обжег легкие, впился в нагое тело. Пот высох. Где-то высоко в черном небе тоскливо закричала птица.

Глава 1

Девочку привели на рассвете, как раз перед бурей. Ее восхитительное благоухание заполнило все пространство пещеры, Темен почувствовал, как напряглись ребята, внюхиваясь в сладковатый цветочный аромат нежной кожи и длинных гладких волос цвета блестящих дозрелых каштанов. В полумраке ее испуганные глаза сверкали, точно ягоды жимолости на солнце после дождя. Темен встретился с ней взглядом и тут же отвернулся. Сердце мальчика отчего-то затрепетало в груди, забилось о ребра, словно птица, в последней надежде выпорхнуть на волю. Он разволновался. Зачем схватили эту девочку, зачем привели? Неужели она теперь будет жить с ними?

Не только он забеспокоился – два десятка чумазных разновозрастных ребят от десяти до пятнадцати лет копошилось вокруг, шумно дыша, вдыхая чужой свежий запах. Новичков не приводили давно, очень давно, больше года. А девчонок вообще никогда не приводили. Изд и Лом бросили девочку на пол и остались стоять над ней столбом, довольные – ждали Урку, ее похвалы. Темен услышал шорох – к нему подползал Рог.

– Это девка, Тем!

– Шшш... Я вижу, – прошипел в ответ Темен.

– Зачем ей девка, Тем?

– Я не знаю. Молчи! – шикнул Темен и отодвинулся на всякий случай подальше от Рога.

Ему не хотелось нарваться. Девочка оглянулась вокруг – на детей. Посмотрела на стоящих рядом Изда и Лома, а затем замерла, уставившись вглубь пещеры – Тем понял, кого она там заметила.

Урка кряхтела и стонала, поднимаясь со своего ложа. Он быстро опустил взгляд, чтобы не вызвать гнева жрицы. Мальчик и без того знал, что видит сейчас маленькая гостья. Седые, всклокоченные волосы до пят, черные угли глаз, зеленоватая бугристая кожа, мешок грязного платья. Длинная плеть змеей проползла за своей хозяйкой по земляному полу пещеры мимо жмущихся к холодным стенам мальчишек. Тем скосил глаза, заметил, как сильно наклонился рядом Рог – почти уткнулся лбом в землю.

Необычный звук заставил его вздрогнуть всем телом, вскинуть голову. Девочка залепетала на непонятном, но таком волнующем и прекрасном языке, подобном пению, столь нежно лился голос, мягко скользили звуки. Она смотрела на Урку, словно просила о чем-то – он рассмотрел сверкающие прозрачные капли, скользнувшие по бескровным щекам. Темен сглотнул. Он забыл, как выглядят девочки – эти загадочные создания с пушистыми, пахнущими лесными травами, облаками волос и мелодичным смехом.

Ему было десять, когда старая ведьма выкрала его из деревни у подножья скал Авастамб, наслав забытьё на мать

мальчика, и увела за собой по каменным лабиринтам. Она говорила мало, но иногда из ее бормотания можно было разобрать обрывки фраз, и за те два года, что он провел в горах, Тем понял, что Урка была изгнанницей Варрока. Старуха долго вела Темена по извилистым тропам, надев на него невидимый, но очень ощутимый «ошейник» – заклятие удушья на тот случай, если мальчик решит сбежать. Когда они, наконец, добрались до холодной пещеры, Темен насчитал там еще с десятков мальчишек примерно его возраста – худые, бледные, изможденные. Все они говорили на непонятном рычащем языке, словно лаяли по-собачьи. Вечером того же дня Урка провела с ним «обряд», и он тоже залаял. Мальчик забыл свое имя, а ведьма подарила ему новое – Темен. Только у всех были очень короткие, неприхотливые имена и его окликали просто – Тем. Мальчик сразу забыл свой родной язык, а со временем и свою мать. У него появилась новая семья, новая мать и много братьев. Да, все они теперь братья и ее дети – так объявила Урка и приказала называть себя не иначе как «матушка Урка» или «жрица».

Она воровала детей уже много лет. Раньше брала тех, кто помладше да без разбору – мальчиков и девочек, но они быстро умирали от тяжелой работы, недоедания и холода. Тогда она решила ловить только мальчишек десяти-четырнадцати лет. Мальчики выносливее. Подросших же брать было нельзя – для той работы, что приготовила им ведьма, годились только детские руки. Они должны были искать волшеб-

ный хрусталь горной росы.

От восхода до заката солнца дети шатались в горах, стуча заостренными молоточками по камням. Отбитые куски они распиливали медными резцами на мелкие кусочки в поисках камня, содержащего в себе, по словам Урки, огромную силу. Существовал ли этот хрусталь на свете или все это были фантазии выжившей из ума женщины – никто не знал. По убеждению старой ведьмы, волшебный хрусталь горной росы могут найти и добыть только дети. Так же, как человеческая девочка Амари много веков назад нашла драгоценность в этих самых горах и с ее помощью получила вечную жизнь, неземную красоту, да еще и власть над Покаянным лесом и всеми его зримыми и незримыми существами, превратившись в Королеву фей.

Урка изнывала от старости и дряхлости своего тела, жаждала молодости и бессмертия. Она вождедела властью Королевы фей, неистово желая уничтожить черного Правителя Верана, изгнавшего её с её земли, отнявшего и погубившего её детище, гениальную школу – Академию Дара в Ратриме. Единственный шанс всё вернуть оставлял ей волшебный хрусталь горной росы, который носила на своей голове великая Амари. Урке нужны были детские руки для поиска хрусталя. Много детских рук, потому что эти слабые дети умирали так часто или, что еще хуже, вырастали.

В их «семье» были свои обычаи и правила. На рассвете мальчиков будили старшие «братья» – Лом и Изд. Оба бы-

ли непроходимо тупы, лет двадцати с виду, а то и больше – у обоих уже отросли густые бороды. Этих двоих Урка ценила сильнее остальных и позволяла многое – они не добывали хрусталь, так как уже выросли и их руки были бесполезны. Но оба нужны были старухе, чтобы присматривать за младшими. Пищи им полагалось больше остальных, разрешалось охотиться с топором и довольно далеко заходить, но все же жрица надевала ошейник и на их бычьи шеи – наверное, не доверяла до конца. Впрочем, она убеждала, что дает своим детям защиту, а защитное ожерелье оберегает ее сыновей от врагов.

Сразу после подъема мальчики шли на поклоны Четырем Стихиям. Нужно было стоять на коленях, ладони завести за голову, а локти растопырить в стороны и в таком положении кланяться, дотрагиваясь лбом до пола. Урка заставляла делать по пятнадцать поклонов в каждую сторону света, разворачиваться нужно было в той же позе. Поначалу новички заваливались, расшибаясь о каменный пол, в награду получая щедрые удары плетью. Ведьма была уверена, что истовая молитва ее приемных сыновей поможет ей быстрее раздобыть волшебный камень. Сама же при этом молилась стоя позади них, поднимая кверху руки.

После каждый ребенок по очереди подходил к жрице, получая свою «защиту». Она проводила по горлу мальчика своими грязными пальцами, слегка касаясь кожи острыми длинными ногтями, давно почерневшими от грязи и старости,

что-то шептала и Темен чувствовал легкую прохладную тяжесть на шее. Стоило отойти дальше, чем на пятьсот шагов от пещеры и этот безобидный холодок сжимался в раскаленное огнем кольцо. Сила ошейника длилась вплоть до захода солнца – потом он просто убивал тех, кто не возвращался – сжимал до удушья и ломал шею. Мальчик Тем много раз пытался сбежать и каждый раз приползал обратно, жадно хватая ртом воздух. У всех детей на шее были одинаковые шрамы от многочисленных тисков ошейников – точь-в-точь такие же, как у него.

Раздался знакомый резкий свист – плеть рассекла воздух и стало тихо. Прекрасная речь девочки оборвалась. Темен ощутил солоноватый привкус крови во рту – прокусил щеку. Впервые в жизни в нем возникло острое желание броситься вперед и защититься, закрыть собой, сохранить эту белую кожу. Но не шелохнулся. «Только молчи, молчи теперь, молчи!» – взмолился он про себя, рассматривая маленький клубок, в который превратилась девочка, сжавшись на полу, закрыв руками свою головку. Ее тонкие белые пальцы дрожали, а сквозь них он с испугом разглядел выступившие ручейки крови. Мальчик почувствовал, как его самого затрясло. Урка постояла над беспомощным комочком еще с минуту. Затем пнула ее ногой и перевела взгляд на Изда и Лома. Девочка не издала ни звука, обмякнув. Скорее всего, потеряла сознание.

– Мои сыновья, – прохрипела жрица, оскалившись, – Вы

одни радуете свою старую матушку.

Изд и Лом глупо заухмылялись, переглянулись.

– А вы, хитрые лодыри! – она обвела взглядом пещеру, зашипела, – Рты пораскрывали?

Два десятка детей вжалось в темноту стен.

– Считайте, вам эта забава была сегодня вместо похлебки! – от удачной шутки Урка зашлась в приступе хриплого кашля.

Темен сглотнул.

Ему на самом деле не хотелось есть, хотя ели они все нечисто: раз в два дня коптили тушки ящериц или варили суп из червяков. Разводить свои костры для прожарки мяса Урка им не разрешала и приказывала есть всем вместе за её костром – делить поровну, а еды на всех никогда не хватало. Темен знал, что остальные, также, как и он, ловили и пожирали еду во время работы, лишь бы брюхо набить и не делиться. Без огня дохлые ящерицы были ужасными на вкус, а вот черви и улитки – вполне съедобными. Не говоря уже о таких лакомствах, как грибы, ягоды и коренья.

Настоящим праздником был день поимки горной козы – с неё сдирали кожу, лучшие куски прожаренного ароматного мяса доставались, конечно же, жрице и её старшим сыновьям. Для них же часть туши коптили про запас, а остальным мальчикам позволялось обглаживать кости. Но и такое лакомство перепадало реже одного раза в десять дней.

Новость о том, что сегодня они вновь не будут есть, пле-

мя встретило в гробовой тишине, на девочку больше никто не смотрел – каждый боялся привлечь к себе лишнее внимание. Тем временем Изд и Лом, кряхтя, вновь отодвинули огромный камень от входа. Мальчик зажмурился от яркого света и сильного ветра, одновременно наполнивших прогретую за ночь тлеющим костром, пещеру. Начинался снегопад. Но вряд ли это волновало ведьму – она уже награждала каждого «защитным» ошейником. Тем схватил свои шкуры и поспешил занять место в очереди. Проходя мимо лежащей навзничь девочки, он все же позволил себе быстро скользнуть взглядом по телу – она действительно была без сознания, но живая. Хлыст рассек ей голову и висок, глаза остались целыми.

Когда он вернется, девочка уже забудет тот прекрасный язык и залает, как все они, – с горечью подумал Тем. Но он хотя бы сможет заговорить с ней, когда ее тоже отправят работать. Мальчик вздохнул. Сколько она протянет тут? Неделю? Месяц? Когда настала его очередь и острый ноготь царапнул горло, Тем вздрогнул. Он каждый раз вздрагивал – вот уже два года никак не мог привыкнуть.

Они вышли наружу, ежась, кутаясь в овечьи шкуры, шурясь от ветра и снега. Изд и Лом погоняли, подталкивая в спины, раздали молотки и пилки. Нужно было раздобыть еды. Темен потопал своим привычным маршрутом – все мальчишки хорошо ориентировались в местности и различали скалы настолько, что давали им имена. Место от Крохи

до Трех Бугров принадлежало Тему, Рогу и Улу, они втроем работали тут уже несколько месяцев после последней смены пещеры. Снега намело уже по щиколотку и руки мгновенно озябли. Но Тем знал, что стоит только начать работать, как пот градом потечет по спине и вискам. Днем они никогда не мерзли, какой бы сильный мороз не стоял. Изд и Лом отстали, быть может, ушли следить за другими. Тем несколько раз оглянулся. Они с Рогом и Улом остались совсем одни. Мальчишки, не сговариваясь, принялись стучать по одному из нетронутых ими ранее уступу скалы, согреваясь. Минут через десять, когда захотелось сбросить с себя шкуры, остановились передохнуть. Под ногами уже выросла приличная грудка камней, их нужно было распилить, собрать в мешки и принести в пещеру. Вечером Урка рассматривала содержимое мешков, выискивая свой хрусталь. Рог вытер рукавом пот с грязного, прыщавого лба, наклонился, зачерпнул пригоршню снега и провел по покрасневшемуся лицу.

– Ах-х-х, – захрипел он в наслаждении, – Снежочек.

– Чего радуешься, дурень, – хмуро взглянул на него Ул, – Пожрать в снегу не найти.

– А снег жри, – сплюнул на землю Рог, прищурился, уставился на Тема, – Девка не протянет. Зачем ей девка, Тем?

Тем пожал плечами. Он и сам думал о том же.

– А слышал, как она заливалась, Тем? Пела, что ли...

Тем понял, что Рог не может подобрать слова. В их языке было мало слов. Особенно для того, чтобы описать красоту.

– Да, – он просто кивнул, встретившись взглядом с парнями. Они все трое понимали, что имелось ввиду.

Гий бы смог сказать, подумал Тем, и о девочке, и о том, как она говорила. Год назад он ходил за хрусталем с Гиём. Тот паренек был младше него на год или два, но очень умный. Это Гий сказал Тему, а точнее, заставил его вспомнить о матери – его родной маме. А еще о том, что Темен знал раньше другой язык. Красивый, чистый, и в нем было очень много слов. Гий научился придумывать слова в их новом языке: «Можно говорить, как собака, а можно залаять по-человечески», – так он повторял. И создавал слова – придумывал их из звуков. А еще он говорил: «Какое это счастье, Темен, знать свой родной язык, говорить на нем».

Гий умер этой весной – его задушил ошейник. Они сожгли его тело на вершине горы в один из безветренных дней. Но он не хотел гореть и запах тлеющего мяса так щекотал ноздри, что Темен старался не дышать носом, сглатывая заполняющую рот голодную слюну.

Гий мог сказать. А все они могли только думать. И видеть. Тем сплюнул, развернулся и пошел раскапывать запасы. Двое его напарников кивнули, разошлись по своим маршрутам. Их надсмотрщики Изд и Лом были достаточно глупыми и шумными – их крики были слышны издали и мальчишки, занятые поисками пищи, могли быстро вернуться, создавая видимость работы. Хотя работать в любом случае приходилось – если под вечер не показать результат содержимо-

го мешка, Урка наказывала. И легче было продолбать всю скалу насквозь, чем испытать ее разнообразные наказания. Но время на поиски пищи мальчики все же всегда находили. Ловить и высматривать живность сейчас, в снегопад, было глупо, поэтому каждый разошелся по своим норам, раскопал заледеневшие запасы и принялся завтракать. Нужно было хоть немного забить желудок. Тем осмотрел свою нору – три земляных ореха, пучок корней ревеня и одна вяленая, дубовая от холода, ящерица. Он разломал ее на части с помощью топорика и сунул кусок в рот, как сосульку.

День тянулся медленно. Снег летел в глаза, мешая смотреть. Мальчики старались сильнее махать молотками, чтобы не замерзнуть. Изд и Лом не появлялись, скорее всего, спрятались в какой-то яме и спят, пережидают непогоду. Перед закатом они еще раз перекусили, собрали в торбы отбитые камни и, согнувшись под весом булыжников, потянулись к пещере. Намело уже до колен, но старались передвигаться быстрее, чтобы поспеть вовремя. У входа в пещеру толпились ребята с мешками, но не трогали огромный камень, загородивший вход, нужно было дождаться старших «братьев». Наконец те явились, переставляя свои огромные ножища в сугробах. Дети толпой навалились на камень. Темну показалось, что, несмотря на усталость за день, едва ли не сам он отодвинул эту громадину – так не терпелось увидеть девочку.

Они по очереди вошли в пещеру, а к ним навстречу, как

всегда, спешила Урка.

– Мои сыновья! Порадуете свою старую матушку сегодня?

Дети привычно выстроились в четыре шеренги по пять человек, встали на колени, разложили у ног открытые мешки с отбитыми камнями – результат своей работы. Летом ребята могли за день выспаться, поохотиться и, если свезет, то и поест, а к вечеру набрать камней, поотбивать их молотками, раздробить пилками и спокойно сдать ведьме на досмотре. Зимой же работа спасала от холода, так что не имело смысла хитрить.

Он все искал девочку взглядом, но не мог найти. Неужели Урка уже убила ее? Начались поклоны. Приятно грело пламя огня. Пахло мясом, видать, тут хорошо пообедали. Кого-то позади несколько раз ударили хлыстом. На пятьдесят шестом поклоне Тем едва не потерял равновесие – заметил-таки девочку. Темный комок жался совсем рядом с его – Тема – соломенным спальником!

Они закончили поклоны и расползлись по своим углам. Темен медленно и бесшумно стелился, прислушиваясь к дыханию девочки. Ему показалось, что она дрожит, хотя в пещере было довольно тепло. А вдруг мерзнет с непривычки?

– Эй, – едва слышно шепнул он.

Тонкие руки скользнули с лица, обнаружили огромные синие глаза, полные слез. Мальчик быстро приложил указательный палец к губам, показав, что вести себя надо тихо. Она кивнула. Голова у нее была в крови, надо бы перевязать,

но сегодня уже никак не выйдет. Только если завтра она выйдет с ними работать. Расстелив свою шкуру поверх соломы, Тем постарался максимально растянуть ее, чтобы досталось и девочке. Она поняла его намерения и переползла на край шкуры. Тем снял с себя вторую шкуру, развернул ее так, чтобы накрыть сверху их обоих и лег рядом на бок, расправив плечи и выпятив локоть кверху. Жаль, что у него не такие большие плечи, как у его старших «братишек», иначе он смог бы загородить спиной свою ночную гостью от ведьмы. Девочка позади несколько раз шевельнулась, подвигаясь ближе.

– Спасибо, – еле слышно прошепестело ему в ухо. Или показалось?

Тем глубоко вздохнул, понял, что ему стало хорошо и уснул.

Глава 2

Серебристо-белыми были два трона, возвышавшиеся над городской площадью Рукрина, словно две снежные горы. К ним вело десять ступеней, покрытых жемчужно-белой тканью. Десять – число завершенности успешного пути, которым заканчивался идеально белый ковер без единого изъяна, берущий свое начало из замка. С высоты он выглядел странно – словно угольно-черная скала Уорка треснула, и из недр ее хлынул на землю поток молочной реки. Ивири спикировала чуть ниже, чтобы рассмотреть. Ворон неожиданно громко каркнул.

Сегодня она битый час высматривала птиц в мутном небе цвета голубого халцедона. Проскользнул один, за ним второй клин, но девушка не решалась вмешиваться, отвлекая пернатых от сезонного перелета. Она сидела в глубоком кресле лунной комнаты Заряной башни, как ей иногда казалось – на самой вершине мира – закопавшись с шерстяной плед. Ивири решительно настроилась на самостоятельный полет. Она не намерена вылетать за пределы замка, лишь подсмострит за приготовлением к коронации. И сможет «выйти» сама.

Лераскесу с каждым днем становилось все хуже. Измученный простудой, он успел вернуться в замок накануне того, как суггестии напали на королевских солдат, и в Рукрине

произошел переворот. Рано утром старик еще лежал в своих покоях, смежных с библиотекой, когда к нему вбежал мальчишка-служка, размазывая слезы по щекам, протараторил о том, что вся королевская стража мертва, молил не губить и сбежал, не дожидаясь ответа. Сильный жар и натужный кашель душили старого мастера, пока он, собрав остатки сил, запечатывал магией вход в кабинет и выстраивал защиту стен на случай, если их станут ломать. А затем, вконец обессиленный, на несколько суток впал в беспамятство. Но смерть пощадила его и на этот раз. Когда жар отступил и сознание все же вернулось к магу, он обнаружил, что вполне себе жив, лишь чрезвычайно слаб и обезвожен. Изредка до Лераскеса доносился крик из-за дверей и с улицы, казалось, звали его по имени, но он был не в состоянии подняться. Когда жажда все же заставила его встать в поисках воды, он вновь услышал крики за дверью, прижал ухо к стене и узнал голос служки: «Откройте, верн Лераскес! Если вы живы, откройте, молю! Подземники ушли!».

По приезду в город принца Ринна, Ивири и Исы с остатками выживших стражей, старик уже мог передвигаться с посохом, однако болезнь и уход Верана Криена слишком повредили ему. Изнуряющий, надрывный кашель остался. Занятия с Ивири прекратились, и девушка не смела просить. Лераскес все больше сидел на своем излюбленном диванчике у большого окна и смотрел вдаль на сахарно-белые пики Ашрум.

Ивири старалась практиковаться одна. Вовремя выйти из разума птицы, не допуская лишнего увлечения. Но с каждым холодным днем все меньше крыльев разрезало тусклое небо, а в преддверии снегопада попряталось все живое, лишь жадные воробьи паслись у дверей и окон булочных, грея крохотные лапки на створках запотевших окон. Воробьи и вóроны. Поднимать воробьев выше крыш Ивири не рисковала – снесет ветром. А вóроны... «Вóрон о смерти кричит» – так говорили рыбаки в ее родном поселке Киран. Но выбора не было, тем более, что выхоленный иссиня-черный красавец, словно в ответ на ее мысли, сейчас уселся на подоконник, уставившись на Ивири блестящим глазом. Какое-то время девушка и птица напряженно рассматривали друг друга сквозь стекло. «Что ж, сам напросился», – Ивири сделала глубокий вдох, поудобнее уюстилась в кресле и устремила сознание в чужой разум. Ворон встrepенулcя, взмахнул крыльями. Ивири осматривалась с мгновение, успокаиваясь, примеряясь, а затем толкнула птицу в полет.

По периметру городской площади выстроились стражи – новобранцы – молодые юнцы в начищенных, сияющих доспехах. Их было совсем немного – не больше сотни. Весь гарнизон Рукрина и Анкирии уничтожили суггестии – Варрок остался без защиты. Ивири не обязательно было присутствовать на королевских советах и ужинах, которые проходили без ее участия, чтобы знать, о чем судачат варроканцы

на кухнях да по конюшням. Армалы¹ вышли из укрытий – висельники и каторжники осаждают городские стены неприступного Ратрима, грабят королевские погреба, вынося заготовленные горожанами на зиму запасы. Под покровом ночи разбегаются жители Вармина, в надежде спасти своих детей в Кеаске или дойти до Рукрина. А мелкие поселки в считанные недели были стерты с лица земли налетами преступников. С потерей своего Правителя Варрок стремительно погружался в хаос. Единственная надежда была на преемников – принца Ринна и невесть откуда взявшуюся, никому не известную принцессу по имени Ивири.

Ходили разные слухи – и не всегда приятные. Испуганный люд навывдумывал пугающих небылиц и больше всего, уж конечно, поминали ведьм. Невзирая на страх перед нападением армалов в дороге, холод и секущий ветер, на предстоящую утреннюю коронацию съехалось столько народу, что уже сейчас, в сумерках, городская площадь напоминала оживленный муравейник. Сотни зевак занимали себе места поближе к трону, мостились на дырявых соломенных мешках, кутаясь в одеяла и плащи в преддверии морозной ночи, жгли костры, нестройно тянули песни, травили байки, греясь дешевым ромом. Стражники двумя плотными рядами выстрои-

¹ Сбежавшие от правосудия Варрока преступники: воры, убийцы, висельники, каторжники; наибольшей численности достигли во времена правления короля Верана. Долгое время обитали в лесостепной зоне между Ратримом и Вармином, обворовывая путников на дорогах; по ночам совершали набеги на городские стены и фермерские сады.

лись вдоль «чистого пути», не подпуская зевак к белому ковру, ведущему из замка к подножью тронов. Его постелили после захода солнца и до самой коронации он должен оставаться чистым. Если пойдет снег, поговаривали знатоки у костров, разрывая табачно-желтыми зубами куски прожаренной до кости баранины, – хорошая примета.

Приметы и легенды плотной паутиной опутывали разум людей. После свержения Акнуров Правитель Веран скормил жаждущим варроканцам новые символы и традиции с изящной помпезностью, потому что знал – толпе нужна вера и идолы.

Девушка не понимала, зачем отец настоял на том, чтобы она стала королевой. Она неопытная, необразованная, глупая и наивная. Она ничего не смыслит в управлении, а ее дар общения со зверьем в руководстве страной бесполезен. Она боялась того будущего, которое Веран оставил ей, но не могла не подчиниться его воле.

Ивири спустила птицу чуть ниже, усадив на широкий парпет открытого балкона. Завтра эти почетные места на втором этаже займут послы и гости соседствующих Малурии, Дайшаны, Хотры, Златных островов...

Не будет лишь родарийцев.

Ивири задержала взгляд на острых пиках стражей – эти воины станут живым щитом между толпой и будущими королем и королевой Варрока. Они с Ринном по очереди должны взойти на трон, приняв короны из рук Исы.

«Чистым будет путь Правителя и да не прольется кровь на Его земле...»

* * *

Капля темно-красной крови выступила на указательном пальце. Иса сощурилась, пытаясь понять, где ошиблась. Зрение стремительно угасало. Продолжать вышивку не имело смысла, иначе запачкает парчу. Правительница Варрока отложила рукоделие и возвела взгляд чистых равнодушных глаз на Лераскеса.

– Ее имя – Илирия Криен Анкур. *Анкур*... – некогда небесно-голубые, а нынче выцветшие радужки вокруг зрачков под тяжелыми, испещренными морщинами веками... Сколько ему сейчас? Сто? Сто пятьдесят? А сколько ему было, когда она попала в этот дикий, холодный замок, доставленная из солнечной, златокаменной Анкирии? И сколько было ей?

Исе хотелось предаться детским беззаботным воспоминаниям, пахнущим свежевыпеченным хлебом и дынным лимонадом, но надоедливый старикан бубнил свое, прерываясь на приступы кашля, отвлекая, раздражая глупыми пустяками.

– Люди ненавидят это имя. А страшные сказки о «правлящих землями ведьмах с огненными волосами» до сих пор рассказывают детям в колыбелях. Огненные волосы. Моя ко-

ролева, мой принц... прислушайтесь к совету старика. Покройте голову принцессы Ивири белой вуалью и не называйте ее второе имя. Не упоминайте Анкуров, если не хотите бури и волнений!

Иса задумчиво смотрела на него. Хочет ли она бури? Ничемный старик. Что ей все бури мира! Ни одна буря не в состоянии потревожить ее более. Выжжена изнутри. Пепел. Вся кровь, что была в ней, вытекла вместе с кровью ее дочери, ее малышки. И если бы Боги сжалились, и разум мог покинуть ее так же быстро – сердце не разрывалось бы каждую ночь на части, осколками рассыпаясь по ледяным простыням. Муж покинул ее, даже не попрощавшись. Дочь покинула ее. Сын... Если что-то еще имеет на этой проклятой земле значение – это ее мальчик.

Молчание затянулось. Старик ждал и Иса с раздражением поняла, что ответа требуют от нее. Но, стоящий по правую сторону от трона, принц Ринн опередил Правительницу.

– Мы услышали вас, мастер Лераскес, – он слегка кивнул старику, – Вы правы, мы не хотим волнений. Благодарим за это своевременное предупреждение... И совет.

Лераскес еще раз поклонился, переводя взгляд с Ринна на застывшую Ису, вздохнул, покачав головой, и медленно вышел, опираясь на посох.

– «Люди ненавидят это имя...» – прошептал Ринн, едва за учителем закрылась дверь, – Я не могу понять отца. Своими руками убить Аррингарда и Аррану Анкур, чтобы через

пару десятков лет, передать трон Ивирии *Анкур!*

Как вырос ее сын за такой короткий срок. Еще несколько месяцев назад он не позволил бы вслух осуждать отца при ком-либо, и, уж тем более, при матери. Ее дети так сильно любили Верана, так стремились порадовать его, увидеть гордость в его глазах. Но все это досталось не им, а ей...

– Лераскес прав, эта Ивирия Анкур – действительно большая угроза, – Ринн начал расхаживать по залу, рассуждая, но ни к кому не обращаясь, словно беседовал с самим собой.

Иса сонно обвела глазами помещение. А ведь они остались совершенно одни.

– Отец дал странные, непонятные распоряжения перед уходом, – продолжал молодой человек, – Объявил об объединении Родарии и Варрока. Но как, Святые Небеса, я смогу контролировать медиумов, если природа одарила меня лишь талантом исправно рубить мечом!

Он остановился напротив внушительных размеров гобеленового полотна с портретом Верана. Глаза отца, казалось, смотрели на него сверху вниз пристально, пытливо, оценивающе. Чего он ждал от своего сына? Ринн в отчаянии сжал кулаки.

– Но ведь эта... Ивири. Она тоже бессильна. Что она сможет сделать с темnodумцами, если уничтожены все суггестии? Те, что остались в живых, разбежались... Когда медиумы Родарии хлынут в Варрок, что станет с нашим народом? Нет, мы не должны этого допустить, – Ринн отвернулся

от картины, стараясь совладать с эмоциями, вновь принялся мерять широкими шагами зал, – Как он мог так поступить?! Медиумы не должны проникнуть в наши земли. Отец оставил меня одного, бездарного, зная, что я не смогу защитить людей... Дед и бабка мертвы, он ушел, ты... Ты слышишь меня, мама?!

Иса вздрогнула от его крика, перевела на сына свой затуманенный взгляд.

– «Чистым будет путь Правителя и да не прольется кровь на Его земле...» – ей показался чужим собственный голос, проскрипевший в холодном зале неожиданно громко.

* * *

Она была готова. Из зеркала глядела нимфа с горящей головой – плащом до пояса за спиной рассыпалась багряная грива волос. Белоснежное, свободно струящееся по плечам платье доходило до щиколоток, тонкое плетеное кружево закрывало кисти рук до кончиков пальцев. Каждый сантиметр ее тела был выскреблен в парующих королевских банях, кожа светилась изнутри. Ей предстояло преодолеть путь по белому ковру до самого трона, у подножья которого королева Иса покроет ее голову своей короной.

Ивири шумно вздохнула. Она должна думать сейчас о предстоящем возложенном на нее долге, о своем народе. Трое девиц служанок, включая Таю, одновременно подняли

глаза на принцессу. Ивири выдавила из себя улыбку.

«Дыши, размеренно и глубоко, дыши, сохраняя спокойствие. Думай о Вайядарии – отец воззвал к объединению земель».

Но для воссоединения бездарных варроканцев и медиумов недостаточно было одной лишь его воли. Родарийцы покинули поле битвы, едва все их раненые смогли подняться и идти. Перед тем, как войти в Покаянный лес, к Ивири обратился Трилок Патхия, единственный служитель и ключник Белой Башни Нот: «Каждый день мы будем встречать с надеждой увидеть Верховную Вачану Вайядарии в своей родной долине, среди братьев и сестер». Ивири не нашлась, что ответить. Веран хотел, чтобы Варрок стал ее жизнью, ее королевством. А она не могла разорваться на два трона и, уж тем более, разочаровать отца.

Ивири качнула головой. Веран ушел. Иса, которая и раньше терпеть не могла девушку, после смерти своей дочери вообще перестала замечать кого бы то ни было и замкнулась в себе. Угасая от горя, она даже потеряла свой дар. Лераскес объяснил Ивири, что от сильного потрясения такое может случиться – способности медиума исчезают, часть его просто умирает: «Ураган горя ломает даже самые сильные деревья. А некоторые вырывает с корнем».

Девушка с надеждой поглядывала на двери. Ей отчаянно не хватало присутствия близкого человека, поддержки. Но старый учитель куда-то пропал еще с позавчера, как ска-

зала ей Рада, срочно отбыл в Ратрим к своему захворавшему приятелю. Бросить ее в такой день, даже не попрощаться – нет, это на него совсем не похоже. Но Ивири ничего не оставалось, лишь ждать – друзей, кроме Лераскеса, у нее почти не было. Лорд Этан после смерти своего отца вступил в должность капитана королевской стражи и с рассвета до поздней ночи был занят набором и обучением новобранцев. К тому же, на его плечах теперь лежала организация и обеспечение безопасности предстоящей коронации будущих Правителей. Они с Ивири почти не виделись – мельком, успевая обменяться короткими взглядами, – после ухода Верана девушка ясно чувствовала возникшую между ними отчужденность.

Она была совершенно одна. Ивири постаралась унять дрожь и еще раз глубоко вдохнула. «В конце концов, это не самое страшное, что со мной происходило в жизни. Коронация! Да сотни девчонок мечтали бы постоять сейчас на моем месте!» Девушка улыбнулась самой себе – всю жизнь одна и на этот раз тоже справится.

«Не велика ноша, эта ваша корона!»

Ей стало еще веселее, она тихо засмеялась. Теперь служанки поглядывали на нее с откровенным страхом – решили, видать, что принцесса от нервов с ума сходит. Закончив причесывать, ее подвели к массивным высоким дверям. Ивири должна была идти босой. Согласно легенде, «правитель в белом пройдет белыми ногами по белому пути и свет-

лым будет его путь», – что-то в этом роде, Ивири точно не запомнила. Белый – цвет надежды и справедливости. На белом виден любой изъян. Снаружи грянули трубы и, едва успев успокоиться, ее сердце вновь подпрыгнуло в груди, кровь ударила в голову.

Первым из замка на дворцовую площадь вышел принц Ринн. Босой, в белой рубашке и свободных штанах, расши-тых белыми атласными нитями. Даже его пшеничные воло-сы, казалось, отливали легкой белизной. Небесно-голубые глаза и бледная кожа – он был весь белым, «светлым и чи-стым», как того требовал этот день. По толпе пронесся вос-торженный вдох, все затаили дыхание. У подножья лестни-цы Правительница Иса опустила на голову сына корону – тонкий золотой ободок, инкрустированный рубинами. Он не спеша поднялся по лестнице. Ноги принца отсчитали де-сять равных шагов. Толпа вокруг ломилась, давила, стараясь рассмотреть ближе своего короля, стража едва сдерживала напор.

– Правитель! Ринн! Криен! – провозгласил глашатай, и на-пряженное безмолвие взорвалось радостными криками и ру-коплесканием.

Правитель Ринн Криен сел на свой белый трон и един-ственными цветными пятнами в этом белоснежном ансам-бле мерцали маленькие красные рубины на голове у коро-ля. Словно капли крови, символизировавшие муки монарха во благо своего народа, отречение от своих интересов во бла-

го своей земли. Не успели зрители опомниться, как вновь загудели трубы и воцарилась полная тишина.

Ивири услышала второй сигнал – ее очередь. Высокие двери отворились, она ступила на промёрзшую белую ткань. «А ведь зима... Ринну, небось, прохладно там на улице, раздетым...» – странно, в такой волнительный час она беспокоилась о холоде. Но девушка зря волновалась – ей было жарко. Невзирая на мороз, щеки пылали ярче, чем огненное покрывало волос, зеленые глаза лихорадочно блестели. Увы, белым на ней было лишь платье. Она прошла по коридору, вот и выход.

На долю секунды Ивири замешкалась, встретившись с гигантским, зияющим чернотой, глазом многотысячной толпы. Стражники в посеребренных латах стояли вдоль молочного пути, разрезавшего площадь по центру. Ивири перевела дух и устремила взгляд вдаль, к подножью трона, где ее ждала Правительница Иса. Согласно описанной ей ранее церемонии, девушка обязана будет склониться, пока королева снимет корону с себя и возложит на голову дочери женщины, которую ненавидела всю жизнь. Склониться перед убийцей своей матери...

Или ее мать жива?

Ивири подняла подбородок, гоня прочь неуместные сейчас размышления, сделала шаг и еле удержалась от крика. Острая боль пронзила ногу. Все взгляды были направлены на нее. Ей нужно продолжать идти. Она скосила, что было

сил, глаза на пол, стараясь не опускать головы. Легкий отблеск мелкого стекла. Она должна сделать еще один шаг. В кожу второй ноги впились сотни осколков, разрезая плоть. Не кричать. Нет. Она не может все испортить, она не должна подвести отца.

Ивири сделала следующий шаг, лишь слегка сомкнув глаза.

Дыши глубже.

«Лераскес, помоги!»

Стекло входило в босые, распаренные после ванны ступни, как горячий нож в масло. Еще шаг и стекла закончились, боль уменьшилась. Если это часть церемонии, почему Ивири об этом никто не предупредил заранее? Она поняла, что сейчас или закричит, или споткнется и упадет... Девушка в отчаянии возвела глаза вверх, скользя по бесконечной чередке окон замка, и заметила Дерка. Отсюда можно было разглядеть лишь одинокий темный силуэт в окне, но она знала, что это был он, веющий густой силой, как никто другой вокруг. С тех пор, как брызжущего проклятиями мага, по его собственному настоянию, привезли после боя в замок, они не виделись. Лераскес, лично ухаживающий за ним, утверждал, что Дерк еще слишком слаб, чтобы вставать. Но Ивири дала бы голову на отсечение – она видела сейчас перед собой Неруима, и внезапно почувствовала, как часть *его* силы входит в нее, словно шквалистый ветер надувает парус дрейфующего корабля.

Она распрямила плечи, сделала вдох и пошла вперед с высоко поднятой головой. Тихий стон пронесся над толпой, поднялся гул, перешептывание нарастало по мере ее приближения к трону. Ивири ощутила, как стремительно зреет напряжение вокруг, словно гигантская металлическая пружина эмоций сжималась совсем рядом, давила на нее, готовилась выстрелить. Что-то пошло не так. Девушка постаралась не ускорять шаг, краем глаза она заметила, как кто-то из приезжих почетных гостей вскочил на балконе. Страх пронзил ее неожиданно и одновременно с криком из толпы:

– Это кровь! Кровь под ее ногами!

Ивири вздрогнула, вновь скосив глаза вниз. Между пальцев ног пузырилась алая вязкая жидкость. Она сделала последний шаг и остановилась напротив Исы Дагост. Королева смотрела на девушку бесстрастно, блеклый взгляд, отсутствующее выражение лица. Иса медленно сняла со своей головы корону. С правой стороны истерично закричали, слышался плач нескольких женщин. Мгновение, и корона уже была на голове у Ивири. Девушка отвернулась от Исы и взошла по ступеням к трону. Обернувшись, она увидела мрачную картину – вдоль длинного молочно-белого пути, по которому она шла, тянулась цепочка кровавых следов.

– Правительница! Ивири! *Анкур!* – вскричал глашатай.

Мгновение, и площадь взорвалась: люди вопили и плакали, рвали на себе волосы. Одни побежали прочь, другие ринулись к тронам, стражники окружили плотным кольцом

ступени, но сдерживать такое количество народа было сложно.

– Ивири! Ринн! Быстрее! Нужно уходить! – прозвучал голос лорда Этана позади.

Ивири обернулась, уставившись в свое искаженное страхом лицо в отражении серебряного забрала капитана королевской стражи. В окружении трех кругов солдат новопроезглашённые Правители Варрока покинули дворцовую площадь в день своей коронации.

Глава 3

– Она знала, что делает, девка эта, вечный холод мне в задницу! Знала! Рот у нее отлично работал!

Лераскес поморщился. Он терпеть не мог скотские речи в адрес женщин. Он родился и воспитывался в лоне древней религии уважения к человеку, молился Великому Разуму... Старик закричал, с трудом поднимая тяжелую голову над грязным столом, вытер мокрую щеку, принялся к ладони – рисовый ром. В кабаке было темно и дымно. Пошло хохотали развязные девицы, уворачиваясь от шлепков, покрикивали разогретые дешевым пойлом посетители. В тусклом свете огарков свечей их тени причудливо передвигались в танце, отражаясь на замасленных серых стенах.

– Хозяин! Даешь сладкого вина моим подругам! – гаркнул из-за спины тот же голос.

Старый учитель медленно обернулся, разглядев позади себя за соседним столом верзилу с всклокоченной сальной шевелюрой, которую ласково теребила дородная девка, рассевшись у того на коленях. Рядом с ними примостилась еще одна, светлая плоть женской груди призывно вздымалась над тесным лифом платья. Как он очутился в этом кабаке, один, мертвецки пьяный? Лераскес попытался вспомнить события последних дней, но вместо этого перед его глазами всплыло заостренное от голода лицо матери, подбрасывающей в ка-

мин сухие поленья.

Как давно это было... На другом краю мира...

Они садились вечерами у огня вместе со старшими братьями и сестрами в Башне Года питаться благодарностью и любовью Великого Разума. В диких землях Варрока никто не молился Великому Разуму. Мастер уже не помнил, когда он в последний раз встречал зрячих².

Мать разливала в глиняные кружки квас. Она готовила его, как все женщины, из черствого хлеба и солода, но добавляла свой секрет – молодую хвою – и напиток становился лечебным. Лераскес помнил ее маленькие белые руки, снующие между тарелками, утирающие носы младшим и стирающие одежду в ледяных водах Туги. Он родился далеко на севере, среди Вечных Химкар – в Лютных землях. Их народ жил в Башнях Года под защитой Великого Разума, и никто кроме слугителей не покидал спасительные стены. Слишком близко от Мертвой земли, слишком холодно и опасно было выпускать детей на улицу, а лютная зима в тех краях никогда не кончалась. Он помнил тонкую корку льда на бесчисленных каменных ступенях и свои проворные детские ноги, не знающие усталости, помнил взмывающие в небо остроконечные пики башен, черный звездный купол над головой и густые облака внизу над промерзшей землей. Облака были полны снега, и белая мука сеяла по пустыне бесплодными семенами. Но изредка шальной ветер доносил с юга свои дары,

² Одно из именовании лютных людей, поклонявшихся Великому Разуму.

и тучи набухали от града. Ледяные глыбы пробивали самые крепкие жилища, уничтожая все живое, лишь только Башни Года стояли вечно. Их хранила магия древних зрячих. Тех самых светлых медиумов, которые заточили в подземельях Нарра и Ака и воздвигли Химкары вокруг Мертвой земли «...или Пустыне смерти, как ее еще иногда называли...»

– Старик, отчего не угостишь хорошую компанию добрым ромом? – за стол Лераскеса грузно опустились двое мужчин.

Учитель попытался рассмотреть их, но лица тошнотворно качались, плыли вместе со стенами в бесконечной дымной карусели. Один из них, вроде бы, был довольно молод.

– А здесь наливают хороший ром? – прохрипел Лераскес в ответ и закашлялся.

– Соображаешь, старый! – хохотнул тот, что постарше, – Прокисший рисовый ром и дешевый вонючий полугар – всё, что предлагают уважаемым посетителям в этом отстойнике!

– Зато недорого дерут и девки что надо! – донеслось от соседнего стола и кабак отозвался одобрителем ржанием.

– Пей свой ром, пока есть голова на плечах, дружище! – крикнул в спину Лераскесу мужик в компании женщин. – Кровавая ведьма уже на троне.

И тотчас стих смех, а из углов бара донеслись шипящие реплики.

– Анкуры...

– Я слышал, короля Верана четвертовали подземники, а возглавляла их эта девка Анкур...

– Бредни всё! Король наш трусливо сбежал от бунтовщиков, бросил свою армию! Принц Ринн, теперешний король, порубал взбесившихся подземников! Неровен час и ее грохнет, помяни мое слово. Я верю в нашего короля Ринна!

– За Ринна!

– За короля Ринна!

Лераскес прикрыл глаза, бросив бороться с головокружением. Удивительно, что он вдруг погрузился в мысли о детстве, ведь не вспоминал о родителях несколько десятков лет. Что ж, может быть, плохой алкоголь и странная компания, волнения и печали последних недель вызвали эти воспоминания о безопасных, тихих годах, пронизанных запахом его любимого редкого лакомства – ячменных лепешек. Да-да, детьми они считали себя в безопасности, несмотря на неизменно тревожные лица взрослых и резкие окрики: «Ни ногой из Башни! Слышишь?! Ни ногой!».

В те дни в их Башне Года оставался лишь с десяток семей. Древние сделали свою работу, заточив темное в землю, навеки умертвили почву злом и, огородившись неприступными горами от теплых ветров, не только отрезали себя от остального мира, но обрекли своих детей на вечный холод. Лютные земли превратились в ледяную тюрьму для своих обитателей. Жизнь там стала невыносимой, и из Башен Года потянулся народ – маги покидали свой дом, потомки великих колдунов уходили на юг. Шнары основали по соседству с Окутными землями Дайшану, Анкуры – Анкирию;

Ойт и Неруим пошли еще дальше, осели в оазисах пустыни Хотры и на берегу Аитейна; на восток отправился Маилур со своими детьми. К западу от глубоководной, беснующейся Туги, стремящейся с вершин Химкар, разошлись семьи Чилисси и Яшабада.

Но некоторые остались. И в дни, когда весь мир уже успел позабыть *знание*, а зрячие потеряли *зрение*, лютные люди знали и зрели. И каждый вечер у огня, как прежде в древние времена, они молили Великий Разум лишь об одном. Все они, мужчины и женщины, старики и дети, одаренные и бездарные, утратившие связь с Вселенной, сплетались в едином трансе, сливались с великим целым – светлой защитной магией. И маленький маг Лераскес в те вечера чувствовал, как клокочет внутри него колоссальная сила. Чувствовал и до смерти боялся.

– Старик, пей с нами за нашего короля! – Лераскес поднял тусклый взгляд и чуть не стукнулся лбом о протянутую ему кружку, до краев наполненную вонючим пойлом.

Неожиданно в его памяти всплыло воспоминание. Накануне коронации он выпил вина из кубка, который поднес ему королевский виночерпий на совете. Почувствовал себя неважно... Лераскес застонал, потирая виски. Нужно было срочно уходить из этого места, только ноги налились свинцом, а комната опасно кружилась перед глазами.

Что стало с потомками великих Анкуров, что стало с землями, которые они основали... Люди, не знающие своей ис-

тории, не ведающие своих корней, некогда поднятые до прикосновения к Великому Разуму, спустились в кабаки к дешевому спирту, затмевающему остатки сознания. Он должен был помочь мужчине рода великого Неруима, он обязан быть рядом с единственной выжившей рода великих Анкуров. Люди забыли, от чего закрыли их Вечные горы, вгрызаясь в небо своими острыми клыками.

Он должен был...

– Пей же с нами, старик! За короля Ринна!

Много лет после *того дня*, ему снились кошмары. Снился густой туман, цвета дорожной грязи, в котором копошились в земле голые люди.

Ему вдруг стало страшно. Так страшно, по-настоящему, когда ладони покрываются холодной мокрой росой, а тело немеет и сердце падает под ребра к желудку, Лераскесу было лишь раз – бедовое бесстрашие юных лет толкнуло его покинуть свою башню и дойти до кромки проклятой земли. Отец, наверное, до самой смерти считал своего глупого сына храбрецом. А он чудом сумел сбежать.

Верни Ему!

Старый учитель прислушался – что-то происходило вокруг. Он забормотал заклятия, силясь сорвать алкогольный дурман, но легкое прояснение несколько раз наступало и тут же исчезало. «Верни Ему!» – колокол отбивал в висках оглушающий ритм испуганного сердца. Он должен предупредить, должен сказать. Но кому? Что и кому следовало

вернуть?

Вконец измученный смертельным беспричинным страхом и беспомощностью, Лераскес взмахнул рукой, подозревая единственное.

– *Авалокитешвара*³.

Наступила гробовая тишина. Людей окутало легкой белой дымкой.

Мрът стоял рядом. Совсем близко.

Сознание прояснилось. Лераскес быстро отвел взгляд, страшась рассмотреть. Кивнул. Снял заклятие. Зал вновь наполнился смрадом и гомоном нетрезвых глоток, а голова противно отяжелела. Мрът – несущий смерть, проводник зрячих духов. Лераскес предчувствовал, но к такому никогда нельзя быть готовым. Не имело смысла прятаться, бежать, мучать свою память, вспоминая заклинания. Страх ушел, уступил место апатии, лишь легкая тревога все же оставалась, зудела надоедливой мухой в опустевшем разуме. Он должен был сказать, успеть передать. Лераскес с отвращением отодвинул от себя кружку с ромом и попытался встать, но тут же завалился на молодого соседа справа.

– Ооо, отец, да тебе проветриться не мешает, – он почувствовал сильную хватку с обеих сторон. Его вывели под руки на улицу.

³ Заклинание «Зрячий глаз».

– Скажите ей – *вернуть Ему!* – прохрипел старик в темноту и вновь закашлялся.

– Чего-чего ты там пыхтишь, дед? Может, облегчишься лучше? Я, вона, как отолью, так и трезвею, тьфу, тролья пчень!

Рядом послышалось журчание. Лераскес замотал головой, стараясь не забыть главного.

– Скажите ей... королеве... вернуть Ему, отдать! – ноги его окончательно сдались и, потеряв равновесие, мастер Заряной Башни с размаху угодил в лужу лицом.

– Королеве? – в темноте раздался хохот, – А кому королева дать-то должна? Может тебе, старый болван?

Чьи-то руки перевернули Лераскеса на спину.

– Вернуть Ему... Мертвая земля... отдать... – последнее, что он увидел перед собой – внимательные глаза юноши.

Ему подлили зелье забвения: вначале сдавалось тело, способность управлять разумом уходила последней. Воспоминания кружились каруселью, что устанавливали по весне на городской площади Анкирии. Ему было четырнадцать лет, когда он впервые увидел эту карусель, а голова его была уже седой. Он помнил ингредиенты зелья забвения. Помнил Лютные земли, но не мог вспомнить лица того, кто предложил ему кубок с ядом, не помнил имени девочки, которой должен был помочь. Да и какая разница, все это потеряло свою важность, если сегодня он, наконец, встретится *с ней*...

Легкий толчок под ребро, лезвие вошло легко и быстро.

«Темные силы крепнут в пещерах Химкар...»

«И реки запылают огнем, а с неба посыплется земля...».

Мрът

приоткрыл рот,

подул.

Душа мага скользнула над телом, унеслась, ведомая глубоким потоком забывения.

Верховного Королевского советника Лераскеса, последнего наследника древнего рода Велиров, нашли мертвым под утро в одной из подворотен Рукрина. На лице старика застыла блаженная улыбка.

Глава 4

Книга о целительстве переломов выпала из рук девушки, мягко скользнула по подолу верхней юбки и улеглась на полу у её ног. Низкое зимнее солнце садилось за горизонт. Ничего не подходит. В книгах нет ни слова о лечении от магии, которая убивает тебя изнутри. Ивири устало прикрыла глаза, борясь со сном.

С того дня, как они с королем Ринном, заслоненные щитами капитана Этана и его стражи от разъяренной толпы, скрылись в недрах замка Уорк, сон стал настоящим испытанием для нее. Её поджидали кошмары: горящие одержимым огнем глаза жителей Варрока, сотни тянущихся рук, рвущих на куски платье и кожу. Иногда среди искаженных ненавистью лиц всплывали знакомые из прошлой жизни: Тимар, Грей, матушка Гата, походящее на бледно-розовое рыло свиньи лицо мантара Роуха. Всякий раз он гадко смеялся: «А ведь лучше бы я вылечил тебя тогда, ведьма! От судьбы не уйдешь!» Ивири просыпалась в холодном поту, вся дрожа, а его смех еще долго звучал в голове вплоть до следующей ночи. Люди ненавидели её и так было всегда. От судьбы не уйдешь...

Солнце почти село, надо поторопиться. Ивири подхватила корзинку с ужином, книгу с потешными сказками для детей «Смекалистый Кроль», несколько свечей и вышла в коридор.

Когда она, наконец, достигла покоев Дерка Неруима, землю окутала темнота, а в узких окнах Уорка зажглись огоньки.

Он, как всегда, спал. Ивири приходила к нему каждый вечер с тех пор, как ей сообщили о смерти Лераскеса – старого учителя нашли мертвым в подворотне городской харчевни. Весть о том, что её лучшего друга больше не стало, Ивири восприняла на удивление спокойно, но с бесконечной грустью. Что ж, милый Лераскес обрел покой. Сожалела она, что никогда не сможет большое заговорить с ним, спросить мудрого совета, выпить в тишине его компании горячего чаю на уютном узеньком диванчике у окна. Ивири осталась совершенно одна, горюя среди книг, наедине с горькими мыслями о том, что почти ничего не знала о своем старом друге: где он вырос и были ли у него дети? Ведь всегда они говорили лишь о ней. Со своей смертью маг растворился в воздухе, оставив оказавшиеся ненужными обитателям этого замка свои хитроумные приборы, миллионы записей, богатую библиотеку, одинокую Ивири Анкур и покалеченного мага Дерка Неруима, ведь присматривать за ним больше было некому.

Обе служанки присели в глубоких реверансах при появлении Правительницы в комнате. Ивири придирчиво осмотрелась вокруг. В тот вечер, когда она впервые пришла сюда, девушка поразилась увиденному: душная комната была завалена смятыми полотенцами и простынями, пропитанными кровью. Заросший густой щетиной, изможденный мужчина

лежал в ворохе одеял и источал такой смрад, что не вырости она сама в рыбацком поселке среди щедрого разнообразия запахов, упала бы в обморок. Оказалось, что две девицы, приставленные к Неруиму, в отсутствие Лераскеса устрашились приближаться к колдуну, да и, ничего никому не сказав, бросили человека умирать. Ивири попросила свою верную Радугу выбрать несколько смелых и надежных девушек себе в помощь и лично проследила за первой тщательной уборкой. С того дня комнату Дерка ежедневно проветривали, меняли полотенца новые девушки, однако и они побаивались тревожить мужчину – в замке распространились самые невероятные слухи о маге из проклятой Родарии. Каждый вечер с заходом солнца Ивири спускалась к нему из Заряной башни.

– Ну что ж, начнем, – она улыбнулась девушкам и подселла на низенький пуфик у кровати, – Привет, Дерк, – Ивири провела рукой по его взмокнутому лбу.

Она испытывала к нему странные чувства. Первые дни ей и самой было не по себе – она понимала простых девочек-служанок. Однако, в отличие от них, её, конечно, не смущало то, что Дерк Неруим – медиум, колдун. Нет, Ивири сбивали с ног его душевные муки, которые девушка ощущала со всей остротой, как свои. Она старалась блокировать дар эмпатии, глядя в некогда красивое, а сейчас смертельно-бледное, осунувшееся лицо, искаженное гримасой боли. Дерка отказался лечить даже родарийский целитель, утвер-

ждавший, что мужчина был поражен черной магией, которой невозможно противостоять. Ивири хорошо помнила тот миг. Тело жены Дерка было залито кровью, он удерживал голову, всматриваясь в глаза Мираим, из которых за считанные секунды вышла вся жизнь. Она помнила жуткий черный рой, извергшийся из его рта вместе с криком на женщину-монстра. Правильное ли решение она приняла, приказав после сражения доставить Неруима в замок Уорк в Рукрине? Быть может, вернее было бы перевезти его в Родарию, да и самой отправиться туда же, однако ею руководил долг и обещание, данное отцу. А Дерк был движим мстостью и ненавистью к Верану и, пока находился в сознании, также заявил, что хочет вернуться в Рукрин. В глубине души Ивири понимала, что, привозя сюда мага, который спас ей самой жизнь, она надеялась на то, что сможет повлиять на него и убедить в невиновности Верана. А еще она не могла не сочувствовать Дерку – он потерял любимых людей и его душевные раны она ощущала, как свои. Теперь они оба оказались тут замкнутыми в своем одиночестве и заброшенности.

Она старалась говорить с ним каждый вечер, но сомневалась, что он слышал. Иногда мужчина приходил в себя, на несколько мгновений приоткрывая глаза, вот, как сейчас, пока три девушки меняли ему бинты и белье. В первый раз Ивири была поражена, не обнаружив на этом сильном тяжелом теле ни одной открытой раны, и тем не менее, кровь сочилась и повсюду выступала на коже, словно пот. Закончив

с перевязкой, она принялась кормить его супом, приподнимая голову и уговаривая глотать. Служанки разожгли камин и оставили их вдвоем.

Сухие поленья весело потрескивали в огне и Ивири на какой-то миг окунулась в собственные раздумья. В этой комнате ей было не так одиноко, как наверху в библиотеке. Ей теперь не позволено было покидать Уорк – Ринн объяснил это заботой: слишком яростна была ненависть варроканцев к королеве Анкур. Картина ужаса дня коронации всё ещё ярко стояла перед её глазами и Ивири в тысячный раз задумалась о том, откуда взялось стекло на ковре, ведь Ринн, в отличие от нее, прошел по «чистому пути». Спросить было не у кого, милый Лераскес умер, а Верану некуда было писать – вестей от него не получали. Этана со дня коронации Ивири больше не видела. Вновь и вновь прокручивая все события того дня, девушка вдруг замерла, уставившись на Дерка – она вспомнила о силуэте, привидевшемся ей в одном из верхних окон замка.

Суп, вернувшийся из полураскрытого рта, скользнул струйкой по подбородку мужчины. Ивири вздохнула и покачала головой, гоня прочь глупые мысли.

От всех волнений в тот день ей просто что-то померещилось. Отставив тарелку, она промокнула губы Дерка салфеткой и раскрыла книгу. Девушка всегда приносила с собой хорошие книги: детские сказки или захватывающие романы со счастливым концом и читала ему до хрипоты, до глубо-

кой ночи, веря, что легкие истории способны вернуть затерявшееся сознание из коридоров беспамятства.

– Смекалистый Кроль был очень находчивым, – она продолжила чтение четвертой главы, – Как-то раз Волк, Лис и Медведь позвали его сажать картошку. Но Кроль довольно быстро устал. Он не желал бросать работы, ведь боялся прослыть на весь лес лентяем. Тогда Кроль вдруг закричал, что загнал себе в лапу колючку, улизнул и решил, пока суд да дело, отдохнуть в холодке...

Её чтение прервал слабый стон, и девушка замерла на полуслове. Мужчина что-то прошептал.

– Дерк? – она наклонилась к нему, стараясь следить за губами.

– Пить...

– Пить? Сейчас!

Ивири бросила книгу, налила свежей воды из кувшина, что стоял у окна, и поднесла к его губам.

– Вот вода, Дерк, давай поьем, – тихо сказала она, приподняла его голову рукой, а второй попыталась влить в него немного жидкости.

Она была так близко к его лицу, что чуть не выплеснула на него всю воду, когда темно-синие глаза распахнулись и уставились на неё.

– Если ты собираешься продолжить чтение об этом ленивом зайце, лучше дай мне спокойно умереть, – голос был крепок и язвителен.

Ивири отшатнулась, на какое-то время потеряв дар речи. Дерк продолжал неотрывно смотреть на нее. Бледный, как простыня, но взгляд ясный, внимательный. Девушка занервничала – это были его первые внятные слова с тех пор, как он орал на нее после ухода Верана. Хорошо, конечно, что он пришел в сознание, но ей стало уж очень не по себе.

– Я рада, что ты, наконец, очнулся. Прошу заметить, это заслуга, в том числе, и Смекалистого Кроля.

– О да, сложно поспорить. Похождения этого бездельника кого угодно поднимут из могилы.

Ивири встала, отошла к окну, вернув на место кувшин. Ее растерянное лицо отразилось в темном стекле. Она кусала губы – о чем с ним говорить? Его пристальный взгляд жег ей лопатки сквозь платье. Девушка обернулась к мужчине, оставшись стоять вдали от него.

– И давно ты в сознании? – она нахмурилась, – За ужином у тебя суп изо рта выливался.

– Суп тоже отвратительный, – тут же ответил Дерк.

Разум у него в полном порядке. Ивири не знала, сердиться ей или смеяться.

– Зачем ты здесь? – резко спросил Дерк.

Ивири недоуменно пожала плечами, вновь сбитая с толку.

– Тебе нужна помощь.

– Ты же не целитель.

– Нет, не целитель.

– Где Лераскес?

– Он больше не придет... Его убили. Еще до коронации.
Повисло молчание.

– Жаль. Он был неплохим человеком.

– Он был прекрасным человеком, – с жаром ответила Ивири, – В любом случае, тебя некому больше лечить. По правде сказать, я не знаю, как он помогал тебе, но готова, если ты расскажешь что нужно делать. Если ты знаешь...

– Я не знаю, Ивири, – ответил Дерк, – И не думаю, что старик знал.

– Но что-то же он делал?

– Он... говорил со мной, – Дерк скривился, словно ему стало больно, – И следил, как меняют бинты. Больше ничего.

Больше ничего. Вот как. Что ж, она делает то же самое.

– А ты сам... Чувствуешь, тебе становится лучше?

– Нет. Меня убивает твоя книга, – он прикрыл глаза, –
Лучше уж смерть.

Она нервно засмеялась.

– Так и быть, я подберу что-то более...

– Серьезное.

– Да.

– И с намеком на сюжет.

– Тут прекрасный сюжет! – возмутилась девушка, но, когда он закатил глаза, прыснула.

– Хорошо, Дерк, я выберу серьезную литературу.

– Зачем, Ивири? – он вновь смотрел на нее, – Почему ты просто не оставишь меня умирать? Ты же знаешь...

«...Что ты хочешь убить моего отца. О да, я знаю».

– Может быть... – Ивири перевела взгляд на мерцающие алым угли в камине, – Может быть, я смогу показать тебе, что ты ошибаешься.

– А если ошибаешься *ты*?

Она вздохнула. Нет, для этого разговора еще не время.

– Давай не будем сейчас об этом. Тебе нужно набраться сил. Мы обсудим все. Обязательно.

– Обязательно, – повторил он.

– Что ж, в таком случае, не буду больше мучать тебя Кроликом, – она улыбнулась, – Я правда рада, Дерк, что тебе лучше. Завтра принесу что-то поинтереснее.

Она поднялась и принялась собирать посуду в корзинку. То, как странно он смотрел на нее – пытливо, словно ждал чего-то, это смущало и раздражало ее. Ничего, ему нужно поправиться, встать на ноги, а там уже она добьётся своего. Сможет доказать ему, что это как раз он заблуждается насчет Верана. Ему разум гнев застилает...

– Нет, Ивири.

Резкая перемена в голосе заставила её мгновенно обернуться и застыть. Минуту назад смеющиеся глаза на смертельно-бледном лице сейчас были полны ледяной ненависти.

– Что, прости?

– Ты не придешь сюда завтра, – выпалил Дерк, – И больше не переступишь этот порог.

– Почему? Что опять не так?

– Потому что я знаю тебя, – процедил он, – И знаю, зачем ты здесь. Только позволь дать тебе дельный совет. Отзови своих слуг и выбрось меня из замка, пока еще есть время. До рассвета я сдохну в снегах, а твой отец будет в безопасности.

– Что ты такое говоришь... – ее потрясение сменилось обидой.

– В отличие от тебя, я говорю правду, королева! – рявкнул Дерк.

Она почувствовала, как неизвестно откуда взявшаяся ярость стремительно нарастала в нем волной, он приподнялся на кровати, бешенство полыхнуло во взгляде.

– Криен – убийца! – резкий голос обжигал ударами кнута, – Он заслуживает смерти! И он умрет!

– Нет! Он не заслуживает!

– Проклятье, ты врешь самой себе, Ивири! – его голос гремел под сводчатым потолком.

– Хватит, Дерк! – она с трудом сдерживала слезы.

– Ты права, – он вдруг заговорил тише, почти шепотом, и Ивири почувствовала в самом низу живота сосущее, нарастающее чувство страха, – Хватит. Хватит ходить сюда и вытирать мне слюни. Довольно этого лживого лицемерия. Или убей меня, или впредь не приближайся... иначе мне придется убить *тебя*.

Она выбежала в коридор, зацепив корзинку и оставив лежать посреди комнаты разбитую посуду на раскрытых стра-

ницах книги.

* * *

С тех пор прошло пять месяцев долгой холодной зимы. Ивири научилась занимать себя – с самого утра, едва отпирались конюшни, она бежала к животным, общение с которыми успокаивало и отвлекало. Она уже легко контролировала себя и беспрепятственно входила в контакт. Лошади отличались друг от друга также, как и люди – одни были более добрыми, другие с гонором. Если оставаться сторонним наблюдателем, много интересного можно было узнать и о предпочтениях в еде, и даже о симпатиях к кобылам. Те, что родились в неволе, были более покладистыми и счастливыми, чем пойманные и обвезженные. Неподалеку от великолепных вороных в отдельных загонах тяжело ступали крепкие лохматые мулы. Ивири одинаково любила всех и понимала – животные тонко чувствуют искреннее отношение человека. Страх, гнев, любовь. И отвечают всегда взаимностью. Если ты боишься, твоя неуверенность и страх передаются зверю, и он может вести себя агрессивно, чтобы защититься от неизвестности. Злость может также испугать, а то и разозлить смельчаков. Любовь же, которую излучала Ивири, пленяла и успокаивала даже самых буйных. Да, с четвероногими было легко, намного проще, чем с людьми. Животные с благодарностью принимали помощь и хорошее отношение, в от-

личие от Дерка Неруима.

Маг стремительно шел на поправку – служанки продолжали ходить к нему каждый день и докладывали девушке о его состоянии. Он начал вставать, а в последнее время взял себе в привычку тренироваться под утро на плацу. Скорее всего, выбрал такое время, чтобы ни с кем не видеться – лишь полусонные ночные часовые были свидетелями его одиночных сражений.

Ранним утром её восемнадцатилетия вновь пошел снег, разлил по внутреннему двору замка тонким слоем белоснежное молоко, посреди которого даже сейчас, в предрассветных сумерках, отчетливо виднелась черная фигура, ожесточенно размахивающая мечом. Ивири казалось, что сквозь стекло до нее долетали жалобные стоны рассекаемого на куски воздуха. Девушка замерла, внимательно наблюдая за ним.

Она прекрасно знала, кого Дерк Неруим представляет, пронзая пустоту перед собой острием меча. Однако, как бы велика не была его ненависть к Верану, она никак не могла остановить себя, прекратить жалеть этого обозленного на весь мир человека. Все время он не шел у нее из головы. Но кем она будет, если отпустит его, выздоровевшего, преследовать отца в Химкарах? Разве мало Верану опасностей и без этого одержимого? Нет, она должна была попытаться в последний раз. Если у нее ничего не выйдет... Что ж... Ей придется искать помощи, она вынуждена будет рассказать обо всем Ринну и Этану. Этан медиум, а Ринн лучший воин

в королевстве.

Ивири накинула капюшон теплого плаща, решительно прошла по длинному коридору и, спустившись по ступеням, вышла во двор. Двое стражей негромко похрапывали у входа.

Дерк, казалось, не замечал её, вовлеченный в свой бой с невидимым противником. Теперь он всегда с ног до головы одевался только в черное. Огромный меч мелькал вокруг него с быстротой молнии, словно сросшись с рукой.

– Зачем тебе меч, ты же маг? – она задала первый вопрос, который пришел в голову. Но это действительно выглядело странно, ведь маги сражались заклинаниями и, в большинстве своем, не обучались владению мечом. Во-вторых, ей нужно было начать разговор. Она спросила и тут же осеклась, замолчав, почувствовав его злость. И силу.

Дерк резко остановился. Ярость настолько поглотила его разум, что он действительно не заметил её. Он выглядел почти здоровым, но она знала, сколько слоев бинтов пряталось под короткой черной туникой. Ивири не боялась, однако, ощутив его неуправляемые эмоции, сбавила шаг – сейчас она остро вспомнила то, от чего он пострадал. Два темно-синих факела глаз на блестящем от пота лице под черными взмокшими волосами жгли мир ледяной ненавистью. Он смотрел на нее в упор, слегка нагнув голову, словно бык перед атакой, и тяжело дышал. Ивири потрясенно уставилась на плотные щупальца темноты, растекающиеся от муж-

чины. Дерк прищурился и Ивири, почувствовав пронизывающее дыхание ветра, содрогнулась, блокируя его ответный просмотр. С каких пор сила служителя Угловой Башни стала столь темной и холодной?

– Чего ты хочешь? – его голос был хриплым, на щеке подрагивал мускул.

Ивири медленно подошла ближе. Она растерялась от увиденного, на этот раз его вид действительно ее испугал.

– Что? Я уже не гожусь для роли несчастного больного, моя королева? – губы сжались в презрительную тонкую линию, – Так чего же ты хочешь, Ивири. Скажи это.

– Дерк... Не надо... – еле вымолвила девушка.

Он и так все понимал. Он читал ее мысли.

– Да, Ивири. Мы оба знаем. Ты же не просто так оставила меня в живых. Ты понимаешь, что я прав, просто боишься признать... Осталось недолго, – он ухмыльнулся, – Запастись силами... И я смогу найти его, не сомневайся, в самых глубоких пещерах и на самых высоких пиках Химкар, – жилы на его шее напряглись, голос снизился до шепота, – И даже если он уже превратился в ледяную мумию, я найду его тело, притащу в Варрок, разогрею и разрублю на мелкие куски, а гнилое мясо твоего отца скормлю стервятникам.

Ивири стиснула зубы и круто развернулась, чтобы уйти. Что она собиралась ему сказать? Чего ждала? Выживала его, несчастного, спасала от смерти! Он помешался оконча-

тельно, юродивый! Его следовало отправить в Дом Скорби⁴, быть может, там помогут. Или найти других целителей, чтобы вылечили. Эта черная магия поразила не только его тело, но и душу. Тот Дерк Неруим, который спас ей жизнь, погас, и она не допустит, чтобы черный человек, оставшийся в этом теле, причинил вред Верану! Она сегодня же прорвется к Исе и Ринну и выпросит арест мага.

Стальной зажим сковал её горло с такой силой, что девушке показалось, она слышит страшный хруст собственных шейных позвонков. Её лицо резко заломили вверх, Ивири вскинула руки, пытаясь ослабить хватку, но не смогла ничего сделать – невидимая железная клешня сжимала её сзади, еще мгновение – и шея будет сломана. Она затихла, замерла, беспомощная, словно котенок.

– Тебе меня не остановить, Ивирия Криен Анкур. Ни одному живому существу на этой проклятой земле меня не остановить. Запомни.

Клешня исчезла, Ивири, не устояв на ногах, рухнула на землю и судорожно всхлипнула, боясь дотронуться до затылка и шеи. Она в страхе обернулась, осознав, что Дерк стоит в нескольких шагах от неё и лишь сейчас наступает. Что это было?! Ивири в ужасе сжалась, прикрыв голову трясущимися руками.

– Отойди от королевы, Неруим, – негромкий голос раздался со стороны и Ивири заметила в дверях замка лорда

⁴ Место для умалишенных и неизлечимо больных.

Этана в сопровождении нескольких солдат, – Я думаю, настало время перенести твою больничную палату и тебя самого в более подходящее место.

Ивири испугалась за них.

– Нет!

Мужчины, в том числе и Дерк, удивленно воззрились на неё.

– Нет, прошу вас, лорд Этан! Он не причинил мне вреда, правда. Я... упала... Верн Дерк просто хотел помочь мне подняться, он... Не прикасался ко мне...

Она оглянулась на Дерка. Тот пристально смотрел сверху и Ивири почувствовала, что от его гнева не осталось и следа. Мужчина протянул ей руку. Ивири на мгновение встретилась с его темно-синими глазами и, не обращая внимания на грохот собственного сердца, ухватилась за нее своей дрожащей и мокрой от снега ладонью. Кожа Дерка была напротив – сухой и горячей. Он помог ей встать на ноги.

Капитан Этан был уже рядом.

– Лорд Этан, – тут же обратилась Ивири к молодому человеку, не дожидаясь дальнейших расспросов, – Согласитесь провести меня в замок, мне что-то нездоровится.

Этан мешкал, недоверчиво переводя взгляд с Дерка на Ивири, однако, заметив мольбу в глазах девушки, кивнул, знаком отпустил стражей и подставил Ивири свой локоть. Они вошли в замок.

– Что произошло? Я увидел, как вы лежите на земле, я

решил, что этот помешанный толкнул вас!

– Нет... Этан... я сама не знаю, что произошло, – Ивири старалась успокоиться, но слезы предательски подступали, – Наверное, у меня закружилась голова... Вам не стоит огорчать верна Дерка.

– Огорчать?! За эту зиму он успел вывести из себя каждого моего солдата! Не ровен час, как они перестанут сдерживаться. К слову, выглядит он уже вполне здоровым.

– Дерк охвачен горем, он потерял самых близких людей, – Ивири понимала, что солдаты Этана могут пострадать куда больше, ссорясь с магом, однако, к своему сожалению, говорила искренне, – Его покинули сыновья, он совсем один, покалеченный, не может прийти в себя. Если бы только Лераскес был жив, верю, наш старый учитель помог бы его горю.

– Ты защищаешь Неруима, Ивири, но я чувствую в нем темное, – прервал ее Этан и понизил голос, – Ты знаешь, о чем я говорю. Ты тоже должна чувствовать.

О, она чувствовала! Но нельзя было допустить, чтобы Этан вмешался. Неруим сильнее его во много раз.

– Он спас мне жизнь, Этан. Выкрал у самой смерти. Он... – Ивири колебалась, – Ему сейчас тяжело, но я не думаю, что он по-настоящему может причинить мне вред.

«Он уже причинил мне вред».

– Я знаю историю твоего спасения. Только помни, что Неруим был служителем башни, он спасал явлинку. Это был его долг.

– И, тем не менее, это кое-что да значит для меня, Этан. Благодаря Неруиму я дышу.

«И чуть не перестала дышать».

Голова гудела, навалились чувства беспомощности и никчемности. Ивири остановилась, подняв на Этана глаза.

– Однако, Этан, может и не стоило Дерку стараться. Чего теперь стоит моя жизнь? Я никудышная королева. Люди ненавидят меня. Ты знаешь, как они меня называют? «Кровавая Анкур». Я сижу под замком в Уорке. Все меня бросили... даже ты... Хорошá правительница. Этого ли хотел отец, оставляя меня править? Чтобы его народ, ради которого он искалечил свою жизнь, вновь боялся и презирал свою королеву?!

Слезы хлынули по щекам, словно в ней прорвало плотину. Этан попытался ее успокоить:

– Они тебя полюбят, Ивири... Может быть, благотворительность...

Но девушка в ответ лишь горько рассмеялась.

– Вчера я нашла в своей кровати коровью лепешку! Пронес кто-то из слуг... Да это не важно, кто! Они ненавидят меня!

Внезапно растерянность в глазах молодого человека сменилась теплотой, он притянул ее к себе и обнял.

– Я люблю свою королеву, – горячее дыхание скользнуло по виску вместе с уверенным, тихим голосом, – А значит, полюбят и другие.

От неожиданности Ивири остолбенела, слезы высохли, грустные мысли галопом умчались в неизвестном направлении, и она вдруг поняла, что ждет поцелуя. Сердце гулко забилось в груди.

– Я не ослышался? Коровью лепешку? – Этан немного отстранился, с возмущением глядя на нее.

Ивири коротко кивнула, ощущая тень сожаления.

– Я узнаю, кто это сделал и подлеца высекут на дыбе!

Девушка со вздохом высвободилась из его объятий, вытерла щеки платком и грустно улыбнулась.

– Да, это именно то, что добавит им любви ко мне.

– Хорошо, не будем сечь, – недовольно согласился Этан, – В таком случае необходимо что-то придумать, вызвать каким-то образом всеобщую любовь. Вы должны показать себя достойной и доброй, моя королева. Я все же предлагаю благотворительность...

– Но они считают, что я – дурной знак! – она вдруг почувствовала, что теперь злится на него, – Кто позволит взять кусок хлеба для своего ребенка с моей руки, Этан?

Ей остро захотелось уйти, спрятаться.

– Прости, я пойду к себе. Хочу прилечь. Я плохо спала ночью.

Она поднялась в свою комнату. Начиналась метель – за окном словно натянули белую простыню. Ивири зарылась в холодные одеяла. Нет, она не скажет о Дерке ни Ринну, ни Исе. Они бессильны против него. И, тем более, Этану – Дерк

во много раз сильнее, он может покалечить её друга. Друга... Он не захотел поцеловать её сегодня. Но ведь сказал, что любит. Нет, он сказал: «Я люблю свою королеву» – как это прикажете понимать? Да он ни разу не навестил её со дня коронации! Жаль, что она так и не решилась спросить почему. Ивири вздохнула. В Дерке слишком много магии сейчас и не слишком ясный ум. Он намерен идти на поиски её отца с одной целью – чтобы убить, и никто не сможет его остановить. Только переубедить.

Девушка перевернулась на спину, уставившись в высокий серый потолок, затылок ныл, рука невольно скользнула к шее, где под тканью платья спрятался маленький черный кулон в виде кошки. Почему сегодня амулет Лераскеса не помог ей так, как во время битвы? Было еще кое-что, что смутило и напугало её сильнее, чем нападение Неруима. Она готова была поклясться, что он услышал её мысли. Как такое возможно? Но что-то подобное уже было с ней, не так ли? Там, на краю пропасти, когда она держала его за руку... Они что-то сказали друг другу мысленно. Это было, она точно помнила.

Ивири ворочалась еще минут десять, пока не провалилась в беспокойный сон. Ей снился Лераскес, он кричал, кричал, он был напуган, нет, он был в ужасе: «Верни ему! Отдай ему!».

Глава 5

На рассвете девочка поднялась вместе с ними. Тем все боялся, что она споткнется или упадет. Висок, куда пришелся удар плетью, нехорошо вспух, лицо ее было все в засохших корках темной крови. Дрожащая и бледная, как снег, она встала рядом с ним на поклоны. Новичкам позволялось кланяться по десять раз, с каждым днем на один раз больше. Три, четыре, пять, шесть, на седьмой раз упала. От испуга Тем не удержался и бросил взгляд на ведьму – если та еще раз пройдет по девочке хлыстом, то точно убьет. Однако что-то отвлекло Урку – та вдруг повернулась ко входу, рябое лицо заострилось, ведьма прислушивалась. Рядом еще кто-то пошевелился, это был Ул, и он быстро поднял девочку. Тем удивился – неужели не только он один стремился ей помочь? Дети меж тем отсчитали десятый поклон и дальше девочка могла уже просто сидя на коленях слушать молитву.

Они закончили и сели завтракать. Оказывается, кто-то из ребят вчера умудрился поймать земляную крысу, так что сегодня каждый получил по пол чашки жиденького, но горячего мясного бульона. Урка кудахтала над ними, воображая себя матушкой. Иногда на нее находили приступы любви к своим «деточкам», особенно по утрам.

– Вот и горяченького перед работой, да? Чтобы камушки увидеть, хорошо нужно подкрепиться.

Дети выпили крохотные порции молча и быстро, выдавливая из себя улыбки «матушке». Она прошлась между ними, приглаживая грязные всклокоченные затылки. Чтобы случайно не вздрогнуть от «нежного» прикосновения, шеи у них были напряжены до предела.

– Сегодня день особенный, мои птички, сегодня с нами чудная девчушка, она может принести нам удачу, – приговаривала Урка, то и дело бросая взгляд на девочку, которая жадно пила бульон, обжигая кипятком рот и, казалось, ничего не слышала. Может быть, у нее и ухо пострадало?

Выстроились, получили ошейники, Лом вручил девочке накидку из шкур, а еще кожаные шнурки и мех для обуви. Она натянула на себя шкуру, просунув голову сквозь отверстие сверху, а с ботинками не получалось, кое-как намотала вокруг них кроличьи шкурки и закрепила шнурками.

Вышли на слепящий снегом свет. Тем сходу припустил вслед за Улом и Рогом, через десяток шагов оглянулся, чтобы кивнуть девчонке, но в этом не было нужды – она следовала за ним попятам, по колено увязая в сугробах. Ветер успокоился, и развернувшаяся перед ними картина очаровывала своей жестокой красотой. Бесконечные горы-близнецы укрылись ровным, блестяще-белым, пушистым одеялом, но колючий холод пробирал до костей. Совсем скоро, когда морозы станут невыносимы и опасны для жизни, они покинут пещеру, перейдут ближе к южным землям Хотры.

Добравшись до своего места, остановились. Все трое

мальчишек усталились на девочку и какое-то время молчали.

– Ты кто? – первым подал голос Рог, буравя её черными, слегка косящими глазами.

– Клина.

Было что-то птичье в этом имени. И сама она чем-то походила на взъерошенного воробья, завернутого в старую шкуру. «Прошла, выходит, обряд вчера», – подумал Тем, от чего-то, с горечью. Но ему-то что до этого? Не прошла бы – они и не поняли бы друг друга. Но часть его с грустью подумала о том красивом языке, который он услышал накануне.

Тем, Ул и Рог назвали свои имена.

– Ты откуда?

Клина молча глядела на них.

– Она не помнит же, – бросил Темен и сделал шаг к ней, – Дай я посмотрю твою голову.

Она отпрянула было, но, встретившись с ним взглядом, осталась на месте. Тем набрал горсть снега в руки, подождал, пока тот слегка подтаает и принялся аккуратно стирать сухую корку крови на лице, постепенно подбираясь к виску. Клина закрыла глаза, и мальчик догадался, что ей, наверное, приятно прикосновение прохладного к воспаленной коже. Он аккуратно отодвинул волосы. Все же выглядит она ну очень бледной, а кожа горячая, как уголек. Это нехорошо. Похоже на лихорадку. Крайне осторожно он попытался приподнять спутанную и отяжелевшую от засохшей крови прядь в месте, куда пришелся удар хлыстом, но девочка тут же вскрикнула,

распахнув глаза.

– Нужно потерпеть, – объяснил ей Тем, – Давай ты присядешь.

Он расчистил от снега камень, усадил ее на него.

– Рану надо промыть, – тихо сказала Клина.

Тем поднял брови.

– Тут есть какой-то источник? Откуда вы берете воду?

Подземный источник действительно был совсем недалеко, и он почти никогда не замерзал.

– Я принесу, – бросил Ул.

После того, как с девочки смыли всю кровь, он смог, наконец, рассмотреть порез. Не слишком глубокий, но воспаленный, пересекал скулу, и заканчивался на два пальца выше виска, из него сочилась кровь.

– Все не очень хорошо? – спросила Клина.

– Перевязать нужно, – буркнул Тем.

А большего он предложить и не мог. Знать бы еще, чем. Мальчики растерянно переглянулись. Под толстыми меховыми шкурами прятались заношенные годами фуфайки со штанами. Темен вытащил на свет кусок своей рубахи – почерневшей от грязи ткани, разящей потом.

– Лучше мою, – предложила девочка и оттянула нижний край своей сорочки.

Она, конечно, не была белоснежной, но уж куда чище, чем его. Тем оторвал немного материи, сложил вдвое и аккуратно приложил к ране. Вытащил пару широких кожаных шнур-

ков, ловко обмотал голову Клины, закрепив повязку. Девочка слегка поморщилась.

– У тебя жар, – сказал он, – Сиди тут, не нужно ничего делать, мы сами.

– Спасибо, – глаза на бледном лице блеснули синевой, – А вы давно... тут?

– Три года уж, – сплюнул на землю Рог, – Ты-то как попала? Не украли ж тебя, поди?

– Нет, не украли. Я сбежала.

– Сбежала? От кого?

– От... Из Родарии. Долины медиумов.

– Мы знаем, что такое Родария, – сказал Тем, – Никогда не слышал, чтобы оттуда сбежали.

– Да, – только тихо кивнула Клина и опустила голову.

Он понял, что она опять плачет. Мальчишки переглянулись. Не нужно, наверное, ее расспрашивать, кто её знает, от чего бежала.

– Ладно, за работу, – сказал Тем.

Жарко стало уже через полчаса. Девочка привалилась спиной к скале, казалось, спала. Ул и Рог заметили что-то за углом, может, ворону, оба притаились. Тем присел на корточки, распиливая отколотые булыжники на мелкие камни. Девочка тут долго не протянет, через день-два помрет, если не от этой раны, так от другой. Он поднял голову, рассматривая ее при дневном свете. Такая тоненькая и нежная. Он яростно вцепился в очередной камень, врезаясь в него пи-

лой.

– Мне надо в лес.

Ему послышалось? Тем вскинул голову. Она не шелохнулась, глаза все также были закрыты, только бесцветные потрескавшиеся губы вновь прошептали.

– Помоги мне дойти в лес.

Тем поднялся, подошел к ней, всматриваясь в отрешенное лицо.

– Я не могу. Мы не сможем. Ошейники нас задушат.

– Ночью, – еле слышно прошелестела девочка.

Ночью. Хорошенькое дело – ночью. Конечно, он думал об этом и не раз. И не он один. Но на ночь мускулистые верзилы Изд и Лом заваливали проход огромным камнем, едва сдвигая его с места. Никому из истощенных мальчишек это было не под силу. Разве навалится с десятков ребят, но тогда и ведьму точно разбудят.

– Я не смогу поднять камень, – ответил Тем.

– Сможешь, – она наконец открыла глаза, – Ты же медиум.

– Чего? – то ли ее слова, то ли ее глаза подействовали на Тема хуже подзатыльника, – Какой еще медиум, тебе совсем уже плохо стало?

Неужели один удар настолько ей повредил?

– Я вижу, – слегка улыбнулась Клина, – У тебя сила есть. Как и у меня.

– Это у тебя-то – сила? – Тем фыркнул, – Что-то я сразу не заметил.

– Ты все заметил, – она серьезно смотрела на него.

Тем нахмурился.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты же медиум, – повторила Клина.

Темен опять фыркнул, вот заладила. Нет, он знал о медиумах, конечно же... Если бы еще память прочистить... Он помнил, что медиумы живут в Родарии, но об этом и Урка часто бурчала. Были медиумы и в его родной Хотре – кто-то вроде колдунов, как Урка, но были и добрые. Только он-то к ним каким боком? Девчонка бредит.

– У тебя жар.

– Жар... – она прикрыла глаза, – Да, жар. Наверное, началось заражение... из-за грязи... Ты должен мне помочь. Сдвинь камень, ты сможешь. Ощути свою силу, освободи себя. И меня... я сама не дойду, пожалуйста... В Покаянный лес. Там нам помогут... Вот увидишь. Тебе там понравится, там лучше, чем тут...

– Ты что, не слышала меня? Ты не понимаешь куда пошла! – Темен быстро обернулся, нет ли где поблизости Лома и Изда, снизил голос, зашипел, – То, что тебе на шею нацепили, ты его не видишь, но чувствуешь, ведь правда? Так вот этот ошейник тебя задушит, если к закату в пещеру не вернешься! Или ты думаешь мы тут все полные дурни – камни рубать годами и с голоду пухнуть?! Или мы сбежать не пытались?! А камень тот не сдвинуть, даже впятером навались! Урка – ведьма и она своего не отдаст! А мы – ее рабы!

Клина устало сомкнула веки. Из-за угла появились Ул с Рогом, в руке у последнего болталась тушка зайца. Тем тихонько присвистнул.

– На три дня еды хватит, а то и дольше, – Рогу было чем гордиться.

Освежевали тушу, шкурку вымыли, Рог по праву забрал её себе, спрятал в тайнике. После подошьёт под выданный Уркой мех и ещё теплее станет. Поделили мясо, Тем своё есть не стал, слегка тронул девочку за плечо.

– На, поешь, еще теплое.

Клина открыла глаза, с минуту смотрела на кусок свежего мяса перед лицом, а потом её вырвало. Тем едва успел отпрыгнуть, громко выругался.

– Прости я... не ем мяса...

– Значит поmrёшь еще быстрее, чем я думал, – бодро жуя, подал голос Рог, – Зато нам больше достанется. А с утра похлёбку то крысиную хлебала смачно!

Губы его были красными от крови. Клина уставилась на него, выглядела она совсем плохо. Темен нахмурился.

– Заткнись, – бросил он Рогу, – Не видишь, дурно ей. Лихорадка.

– Так это ж хорошо. Я даже завидую, – беззаботно ответил Рог, – Не долго ж мучиться ей с нами, братик.

Тут уж он был прав.

– Зря сбежала ты из долины, Клина, – миролюбиво улыбнулся ей Рог, – Я думал стащили тебя, как всех нас. А ты

сама, дура, сбежала. В Авастамбы зимой... Чего там у тебя дурного и было, а все одно – у нас тут куда хуже, в нашей любимой семье-то. Как бы не хуже всего на свете... Да что говорить теперь. Знай молись Четырем Стихиям... Может повезет, да помрешь до поклонов...

Тем понял, о чем говорил Рог. Если девочка упадёт во время поклонов сегодня или завтра утром – а она упадёт – её просто забьют до смерти. Он вдруг сильно разозлился. Так сильно, что даже есть расхотел, отошел, зарыл свой кусок в тайник, когда обернулся, заметил, что Клина пристально смотрит на него.

Они кололи и пилили камни до самого захода солнца, было совсем не холодно, пришлось нагрести четыре мешка и Тем понес сразу два – свой и Клинын. Она тяжело ступала за ними, еле передвигая ноги. В пещере Урка бросилась к ним навстречу. Темен знаком указал Клине стать возле себя, раскрыл свой мешок. Девочка последовала его примеру и испуганно замерла рядом. Урка обвела своих «сыновей» горящим взглядом и уставилась на новоиспечённую «дочь».

– Вот кто меня сегодня будет радовать, да, цыплёночек мой? Вот кто наконец-то доставил подарочек своей любимой матушке, – не прекращая кудахтать, ведьма склонилась над мешком Клины, ковыряясь в камнях.

Конечно же, там не могло быть и следа хрустала, Темен знал это наверняка, ведь сам собирал мешок девчонки. Вдруг сердце его сжалось от испуга. Ведь ведьма сейчас разо-

злится. Он не успел даже зажмуриться. Ведьма наотмашь ударила Клину по лицу, да так, что сделанная им с утра повязка отлетела на несколько шагов к стене, а голова девочки с глухим стуком ударилась о каменистый пол пещеры. Клина осталась лежать, не поднимаясь, лишь тяжело дыша, голову вновь заливала кровь.

– Дрянь! Ленивая дрянь! Дрянь! Дрянь! Дрянь!

Урка была вне себя от ярости. Кряхтя, она поднялась на ноги и несколько раз с силой пнула девочку ногой.

«Хватит! Хватит! Только не хлыст!» – молился про себя Темен всем богам, о которых слышал и помнил за свои двенадцать лет. Он закрыл глаза. «Что тебе до неё! Сейчас поклоны и, если повезет и её не забудут насмерть за отказ молиться, помрёт к утру. Береги свою шкуру. Береги...» А для чего беречь-то? Для того, чтоб ещё несколько лет радоваться такой жизни? Жрать земляных червей и лупать скалы? Темен изо всех сил старался успокоиться.

Меж тем Урка прошлась по всем мешкам детей, попутно раздавая оплеухи. В таком дурном настроении нечего было и надеяться на ужин. Откланявшись шестьдесят раз, расползлись по соломенным спальникам. Девочка, казалось, опять была без сознания. «До утра не доживет, – вновь подумал Темен, – Не встанет уж точно». Заснули все быстро, видать, ребята хорошо молотками сегодня помахали. К нему же сон не шёл. «Сдалась тебе девчонка! Из-за неё и сам можешь нарваться». Он крутился на своём лежаке, по-

ка не услышал из угла, в котором спала Урка, громкий храп. Тогда Тем пополз к девочке, прижимаясь к земле.

– Эй.

Она не шелохнулась.

– Ты слышишь?

Тишина.

Он приложился ухом к её груди. Сердце билось, от тела шёл жар. Подцепил её за подмышки и потянул к себе на лежак.

«Всё равно умрет ведь, какая разница где?».

Уложил рядом, шкурой накрывать не стал, от такой лихорадки ему и самому рядом с ней стало жарко. И провалился в сон.

Ему снилась женщина. Теплота и лесной запах ее скользили по щекам мальчика, дыхание окутывало свежестью весеннего ливня.

«Ты сильный».

В глазах цвела сирень.

«Ощути свою силу, освободи себя».

Она ласково взъерошила его волосы, притянула к себе, и он упал в мягкое поле луговых цветов, ромашки и незабудки тянулось к его рукам и ногам, дышали на него, вливали свой сок в его кровь, щедро делились радостью, силой.

«Помоги ей».

От захлестнувшего счастья Тем засмеялся, звонко, во весь голос, захохотал так, как никогда, никогда и нигде...

«Сдвинь камень».

Он проснулся весь мокрый от пота, удивленно осмотрел темную, затхлую пещеру, грязных мальчишек, свернувшихся на гнилой соломе – словно впервые увидел. Чувство силы и радости, веры, желания двигаться, бежать к тому неведомому, прекрасному, цветущему, распирало его изнутри. Быстрее! Навстречу самой жизни! Он не мог и не хотел избавляться от собственной, неизвестно откуда взявшейся, исполинской веры в себя. Мелькнула писклявая трусливая мысль и Тем отмахнулся, будто от комара – если даже и умереть, пусть сразу, сейчас, лишь бы больше не жить так, не существовать в этом месте, как скот, не быть рабом!

Он вдруг спохватился. Девочка! Взволнованно ощупал ее – дышит, горячая. Встал, оглянулся – все спали, прошел к огромному булыжнику у входа, ростом почти с самого мальчика, провёл рукой по холодному боку, навалился всем телом, от напряжения закрыл глаза. И вдруг почувствовал – сдвинулось. От неожиданности вся его сонная бравада испарилась, Тем испуганно отскочил, и камень с глухим стуком вернулся на место. Опять оглянулся – тихо. Чуть в штаны не наделал.

Теперь уже другой Тем – осторожный, бесшумный, во второй раз налег на валун и принялся аккуратно подталкивать его в бок, пока не освободил проход настолько, чтобы самому протиснуться. Быстро вернулся к девочке, запихал в мешок шкуры и шнурки, повязал за плечами, присел спиной

к Клине, захватил её руки к себе и поднял, словно второй мешок сзади. Сердце грохотало так, что, казалось, перебудит всю пещеру.

Выскользнул наружу.

За порогом промелькнула мысль закрыть проход, но от страха, что могут сейчас же хватиться их или нашу-меть, лишь прибавил скорости и бросился в непроглядную снежную ночь.

Глава 6

От резкого скрипа Ивири вздрогнула и открыла глаза, уставившись в темноту. В дверной проем скользнул луч света, вошла девушка с канделябром в руке – Ивири узнала Раду, свою служанку.

– Что?! Что случилось? – Ивири подскочила на кровати, уверенная, чтостряслась очередная беда.

– Ничего, моя королева, – удивленно ответила Рада, оглядываясь в поисках того, что так испугало девушку, – Вас просят спуститься к ужину Король Ринн и верна Иса.

– Ринн? Иса? – Ивири протерла глаза, – С чего бы это... – и тут же еще раз вздрогнула, – Ты сказала: «К ужину»? Святые небеса, неужели я проспала весь день?!

– Вот и славно же! Вы так плохо спите ночами, так стонете, вам давно стоило хорошенечко выспаться, вёрна, – улыбнулась Рада, поставив свечи на столик у кровати и направилась к сундуку с нарядами Ивири, откуда тут же донесся ее приглушенный довольный голос, – Сегодня при дворе гости! Говорят, сам рейн Златных островов пожаловал. Моя матушка рассказывала, что они там, на этих островах, золотом даже еду посыпают, представляете? Вместо пряностей!

Она бережно вытащила пепельно-зеленое парчовое платье, расшитое серебряными нитями.

– Ах, как же они там все-все богаты! Помочь Варроку при-

ехали, не иначе, да хранят их Небеса.

– Помочь Варроку? – Ивири с сожалением вылезла из-под одеял, – Нам нужна помощь?

– Ох, повар мне по секрету давеча рассказывал, что слышал от Лизбет, которая водит дружбу со стражниками королевской казны, – Рада понизила голос до шепота, – У нас не очень хорошо дела идут! – для пущей убедительности она затрясла головой так, что ее светлые кудряшки рассыпались по лбу, – Так и сказал, верна Ивири, – «Не очень хорошо»!

Ивири нахмурилась, поднимая руки, чтобы помочь служанке облачить ее в вечерний наряд. Ей никто не говорил, что в Варроке сложности... Однако с ней кроме слуг вообще никто не разговаривал со дня коронации. Ивири грустно улыбнулась. Да и чем она может помочь? Мудрым советом в том, как страной править? Девушка прислушалась к обычно пустому щебету служанки.

– Вы должны ему понравиться, верна Ивири, гостю этому, должны запомниться, глядишь, помогут нам жители Златных островов. Подружиться с ними надо, не иначе, зачем тогда бы вас звали к ужину? Ужин в большом обеденном зале готовят, такого не было уж давно...

– Действительно, зачем... – пробормотала Ивири. Вряд ли это был праздник в ее честь – никто в замке не знал, что сегодня у девушки день рождения. Кроме ее отца и Лераскеса, но оба были отсюда слишком далеко.

При виде синяка на затылке Ивири, служанка ахнула.

Ивири поспешно солгала, что поскользнулась на лестнице. Рада, не прекращая болтать, тщательно причесала ее волосы, заплела в мелкие косички, протянула сквозь них жемчужные нити и умело уложила кольца каскадом, да так, что вся шея позади оказалась скрыта от чужих глаз.

– Ах, какая же вы красивая, моя королева! – она в восхищении осматривала результат своего труда, и Ивири сама невольно задержала взгляд в зеркале. Уж одень бабу в красно-платье, засияет любая, даже служка с Триречья.

И, тем не менее, Ивири вдруг поняла, что настроение у нее улучшилось. Сегодня ее праздник, пусть даже это для всех останется тайной. Она, наконец, выпалась и в красивом платье идет к ужину, а есть уже хотелось невероятно и угощение должно быть неплохим. Что ж, решила девушка, обо всех проблемах она подумает завтра.

В большом обеденном зале было светло и жарко, как летним днем. Ивири замешкалась на пороге, восторженно оглядываясь. В позолоченных канделябрах под потолком пылали свечи, мраморный пол сиял, а длинный стол ломился от фруктов и закусок на серебряной посуде. У камина в глубоком кресле восседала Иса Дагост с неизменно ровной спиной. По правую руку от нее стоял Ринн. Ивири заметила, что Иса еще сильнее похудела за последние месяцы. Ее и без того бледная тонкая кожа стала почти прозрачной, обтянув кости черепа; в длинных пшеничных волосах, обрамлявших безмятежное лицо, переливалась седина. Она пер-

вой заметила девушку и, Ивири показалось, или уголки узких губ слегка приподнялись в улыбке? Ринн почтено склонил голову, приветствуя королеву, а с соседнего кресла поднялся плешивый худой мужчина довольно преклонных лет. Его представили Ивири рейном Златных островов верном Зваинном.

Ужинали вчетвером в полном молчании. Ивири изо всех сил старалась не набрасываться на еду, успокаивая себя тем, что, если останется голодна, попросит Таю принести для нее наверх второй ужин. Никто, конечно же, не упомянул о ее дне рождения, но и обсуждения дел королевства тоже не последовало. В тишине раздавалось лишь легкое позвякивание приборов да шорох слуг, подающих все новые и новые блюда. Ивири унеслась мыслями к отцу, дожидаясь десерта, как вдруг мужской скрипящий голос разрезал тишину.

– Любите ли вы охоту, ра́яни⁵ Ивири?

Ивири вздрогнула от неожиданности и встретила над столом тяжелый взгляд верна Зваина.

– Я не могу утверждать, что охота относится к моим любимым занятиям, – осторожно ответила девушка.

– Жаль, – немедленно произнес Зваин, – Единственной страстью нашего раяна Гонта Бурого всегда была охота.

Ивири не смогла понять, почему этому старичку было жаль, что её интересы с Гонтом Бурым не совпадают, од-

⁵ Обращение к королевской особе, распространённое в Южных землях Хотры и Поющих вод.

нако заметила, насколько внимательны к их разговору Иса и Ринн, и вежливо промолчала.

– Человеческие страсти изменчивы, как погода за окном, – вместо нее мягко ответила Иса.

Все заулыбались, в том числе Зваин, лицо которого растянула кривая ухмылка.

– Поющий Бог⁶ свидетель.

Больше до конца ужина никто не проронил ни слова. Объевшись, Ивири с облегчением попрощалась, поднялась к себе. Вот и восемнадцатый день рождения подошел к концу. Девушка подошла к окну. Зачем ее приглашали к ужину? Метель утихла, но снега намело по колено, весь внутренний двор был усеян бороздами следов. Несколько слуг-мальчишек разгребали сугробы, перекидываясь снежками. До Ивири изредка долетал их звонкий смех.

Этот день рождения отнюдь не был худшим в ее жизни. В чем-то даже лучше – у Ивири впереди был уютный вечер в окружении книг. У нее было сколько угодно свободного времени для чтения, была пища, одежда, ее не били и не истязали тяжелой работой, но самое главное – она знала теперь, что на земле есть родной человек – ее отец. И пусть он возложил на нее обязанности, с которыми она не справилась, зато замечательно справится его сын, – облегченно улыбнулась Ивири, уверенная в Ринне. А вот у нее было кое-что более срочное и не менее важное, чем благосостояние Окут-

⁶ Жители Златных островов молятся Поющему Богу.

ных земель. Завтра необходимо решить, как защитить Верана от Дерка.

* * *

– Свадьба? Вы серьезно? – от изумления девушка даже засмеялась.

– Что тебя удивляет? Короли женятся, королевы выходят замуж, – Ринн был спокойным, как скала.

Утром следующего дня сразу после завтрака Ивири вновь пригласили спуститься в зал к Исе и Ринну, где огорошили известием: отныне королева Ивирия обручена с правителем Златных островов. Она разглядывала брата и мачеху так, словно видела их впервые.

– И вы, король Ринн, тоже женитесь?

Он фыркнул, однако под пристальным взглядом матери тотчас взял себя в руки.

– Безусловно, сестрица, как только придет мое время, женюсь.

– А мое время, как вы решили, уже пришло? – Ивири сузила глаза.

Иса шумно вздохнула.

– В конце концов, а что вы теряете, моя дорогая? – этому мягкому примирительному голосу Ивири поразились едва ли не больше, чем новости о свадьбе. – Народ Варрока боится вас, вы и сами все понимаете. И страх их праведный,

и глубокий – перед медиумами, Анкурами. Безусловно, тому виной не вы, дитя, а ваши родственники. И все же наши люди никогда вас не примут. Не любят. Я не вижу иного выхода нежели принять предложение рейна Златных остров и выйти за Гонта Бурого.

– Вы хотите, чтобы я вышла замуж за незнакомца и уехала на Златные острова? – Ивири смотрела на Ису во все глаза.

– Мы потеряли очень много солдат в последнем сражении. – Ринн встал и голос его напротив был жестким, – Наступила холодная зима. Пострадал не только Уорк – казна Варрока пустеет – мы раздали слишком много помощи семьям погибших. Армалы наглеют с каждым днем, совершая набеги на наши города, а защищать склады некому, кроме крестьян, вооруженных вилами. Подумай. Союз со Златными островами для нас – это лучшее, что ты сможешь сделать для отца и для своей страны. Это настоящий подарок Верану.

Он пристально смотрел на нее. Ивири растерянно отвела взгляд.

– Но он хотел видеть меня на троне Варрока, а не Златных островов...

– Он всю жизнь хотел лишь одного – мира и блага для своего народа, – тихо ответила Иса.

Ивири горько вздохнула – Иса права. В каком бы плачевном положении не находился Варрок, люди успокоятся только с ее уходом.

– Мы даже не знакомы...

– Гонт видел тебя во время коронации, – Иса едва скрывала облегчение в голосе, чувствуя, что девушка почти согласилась, – Он был среди приглашенных и оказался, по его словам, повержен твоей красотой. Это любовь с первого взгляда, не иначе.

Любовь с первого взгляда? Ивири хмыкнула.

– Так верн Зваин прибыл, чтобы рассмотреть меня поближе?

– С верном Зваином были оговорены все нюансы союза наших земель, – ответил ей Ринн. – Они предоставят нам двадцать ящиков золота, два корабля, груженных фруктами, овощами и восточными сладостями, а также двести лучших воинов в королевскую стражу. Я уже сообщил капитану Этану, он был вне себя от этой новости.

Ивири вздрогнула. Этан обрадовался, узнав о ее замужестве?

– Кроме того, между нашими странами заключается договор взаимной защиты и отныне Поющие воды в распоряжении наших рыбаков, – закончил Ринн, не замечая реакции девушки.

Она кивнула. Что ж. Довольно выгодная для Окутных земель продажа королевы. Даже Этан оценил.

– Я могу побыть сейчас одна?

– Конечно, дорогая, – ответила Иса, – Но помни, торжество состоится через пять недель – в канун Снежного Серд-

ца⁷.

Вопрос, судя по всему, уже решен, все договорено. Даже день выбрали. Ивири кивнула и постаралась побыстрее покинуть тронный зал. Как только за ней затворили массивные двери, девушка бросилась по коридорам к себе, не обращая внимания на изумленных слуг. Свадьба! Златные острова! Немыслимо! И в то же время, они были правы, правы! И точно также поступил много лет назад отец накануне ее рождения... Обрекая свою дочь и возлюбленную на смерть, перечеркнул собственное счастье на всю оставшуюся жизнь. Поставил интересы своей земли, своего народа превыше всего, превыше любви. Она же – Ивири – еще свободна, ее сердце свободно... Этан... Она вылетела из-за поворота и еле успела затормозить, в отчаянии уставившись на капитана правительственной стражи.

– Моя королева, – молодой человек отвесил поклон.

Девушка смотрела на него во все глаза, тяжело дыша.

– Смею ли я поздравить вас с будущим замужеством? – он был абсолютно серьезен.

– О, Этан! – Ивири едва сдержала себя в руках, чтобы не броситься к нему на шею, – Они хотят, чтобы я уехала на Златные острова! Взамен Варрок получит золото и... армию, – она осеклась, вспомнив слова Ринна, – Но ведь ты

⁷ Праздник Снежного Сердца отмечается в конце зимы, символизирует завершение благополучного вынашивания будущего года, и по весне на нем следует праздник Рождения Года.

узнал об этом раньше меня... Это правда? Ты обрадовался, когда узнал о моем браке?

Этан молчал, лишь с грустью смотрел на нее, и она почувствовала его муку – нет, он был отнюдь не рад.

– Ох, Этан, – Ивири заплакала.

Она постоянно плачет в его присутствии. Девушка ожидала, что он вновь ее обнимет, но молодой человек отвел взгляд.

– Брак королевы – вопрос политический, – его голос звучал глухо, – Я догадываюсь, что ты не хочешь. Однако, так будет правильно для всех.

Ивири застыла. Ей вдруг тоже стало больно и это уже была не эмпатия. Когда на твоём отъезде в чужие земли настаивают Иса и Ринн, когда сама убеждаешь себя в необходимости замужества с незнакомцем во благо вверенного ей отцом народа, однако, когда мужчина, чьих объятий ты ждешь, выдает тебе свое благословение...

– Трус, – неожиданно для себя выдохнула вслух Ивири.

– Что... – Этан нахмурился.

– Лживый! – она отшатнулась от него, как от прокаженного, чувствуя, как ненавидит его, их, всех, какими бы правильными не казались их речи и решения, она ненавидела их всех! Потому что это была ее жизнь, ее собственность и ею так искусно, выгодно распорядились все вокруг. А Этан – он просто отказался от нее за ненадобностью, утешаясь пополнением своей армии – новыми солдатикам. А ведь она счи-

тала его своим единственным другом!

– Никогда! Никогда больше я не хочу тебя видеть! Лживый трус!

Лицо молодого человека пошло пятнами, он шагнул к ней, но Ивири с такой силой оттолкнула его с дороги, что капитан королевской стражи стукнулся о каменный выступ в стене и охнул. Девушка бросилась бегом по коридорам, взлетела по ступеням вверх, за несколько минут преодолев весь путь к кабинету Лераскеса, захлопнула за собой дверь и закрыла ее на замок.

Даже он! Даже он! А она мечтала, что он любит ее! О какой любви может идти речь, когда он так просто соглашается с тем, что она должна выйти замуж за другого?! Все, что между ними было, тот поцелуй – забыто, забыто навсегда! Он не друг ей и никогда не был им! Лживый трус. Предатель.

После очередной вспышки рыданий Ивири, наконец, почувствовала себя опустошенной. Она сидела на полу у дверей, в которые никто не стучал, никто не гнался за ней, чтобы переубедить. А в чем могли ее переубедить? Что ждало ее здесь? Вечная жизнь королевы-затворницы взаперти в Заряной башне. Ивири тяжело вздохнула. Кто знает, быть может, этот Гонт Бурый, король Златных островов, окажется хорошим человеком. В конце концов, все женятся, – Ринн прав. Все, даже короли. Могла ли она мечтать когда-либо, что выйдет замуж за настоящего короля? Радоваться нужно. Ивири внезапно улыбнулась про себя – ведь не все так плохо.

А ну как ее жених хорош собой, умен, благороден и добр? И она пойдет под венец с этим замечательным человеком мимо Этана и Дерка, она будет счастлива и никогда не вспомнит больше о тех, кого считала своими друзьями, и кто предал ее.

Глава 7

Панический страх гнал Тему вперёд без остановки. Каждый миг он ждал удушья, жадно хватал ртом ледяной воздух, сглатывал, нервно поводя плечами, вертел головой. Сила ошейника иссякла к ночи, Тем знал об этом, но умирал от ужаса. Он миновал «своё место» и бросился дальше, даже не притормозив у тайника с едой. Вот рубеж, на котором раньше его настигало удушье. Мальчик пролетел его, словно птица и, казалось, сердце на миг остановилось. Но ничего не произошло. Пробежав ещё шагов двести, Тем остановился, ликуя, и впервые позволил себе обернуться. Чёрное небо щедро сыпало густым снегом, в считанные минуты заметая следы. словно сама природа помогала беглецам. Мальчик прислушался к звукам погони, но вокруг стояла вязкая снежная тишина. Тогда он снял с себя девочку – она была без сознания. Он вытащил шкуры, обмотался сам и укутал её. Привязал крепко Клину позади себя к плечам, чтобы не держать ее за руки, и побежал дальше. Нельзя было расслабляться.

Тем безошибочно взял курс на восток. Хребты скал Авастамб тянулись с севера на юг, а значит, рано или поздно, он выйдет либо к Родарии, либо к Покаянному лесу. Если дойдет, и Лом с Издом не догонят. Уж лучше сразу смерть, нежели Урке в лапы. Теперь Тем бежал чуть помедленнее, стараясь беречь силы, хоть и не чувствовал усталости. Отку-

да столько прыти? От перетруха, не иначе. Время тянулось бесконечно, девочка за спиной не подавала признаков жизни, а он всё бежал, изредка переходя на шаг в особо опасных районах скал. Когда впереди забрезжил рассвет, мальчик, наконец, остановился у незамёрзшего родника. Ему хотелось пить, да и нужно было посмотреть, что с Клиной.

Рана у неё на голове дурно пахла. Дыхание было жарким и тяжёлым, а лицо очень бледным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.